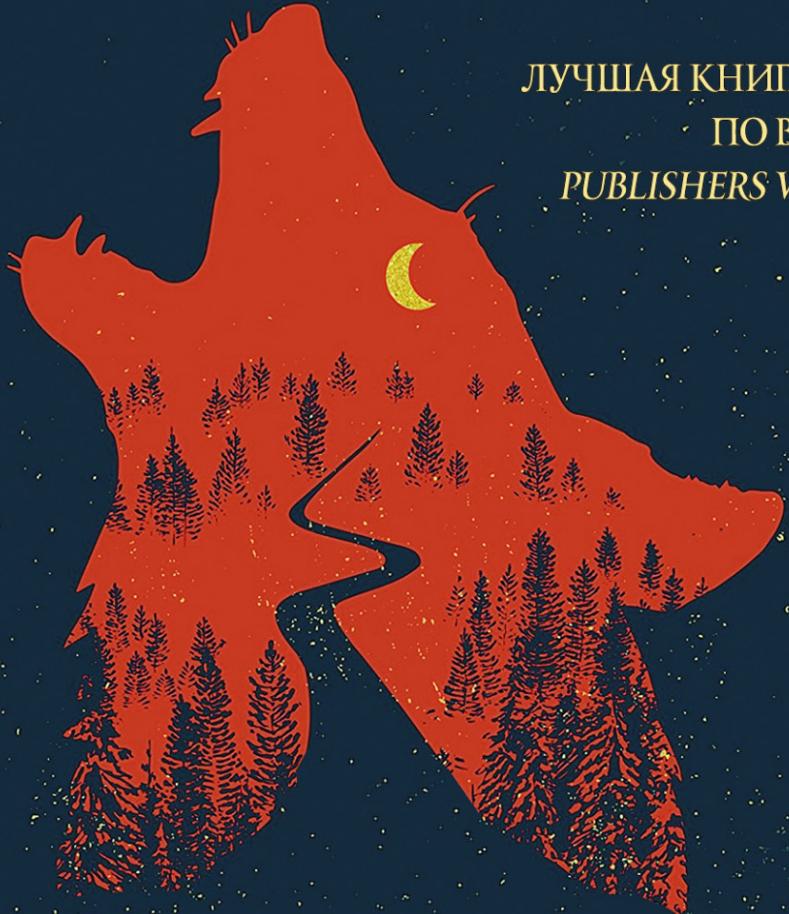


ЛУЧШАЯ КНИГА ГОДА
ПО ВЕРСИИ
PUBLISHERS WEEKLY



БЕССЕРДЧНОЕ МИЛОСЕРДИЕ



ЭЙПРИЛ ЖЕНЕВЬЕВА
ТУХОЛКИ

Шедевры магического реализма

Эйприл Женевьевеа Тухолки
Бессердечное милосердие

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-312.9 (73)
ББК 84(7Сое)-44

Тухолки Э.

Бессердечное милосердие / Э. Тухолки — «Издательство АСТ»,
2018 — (Шедевры магического реализма)

ISBN 978-5-17-115233-8

Фрей, Ови, Джунипер и Руна – девушки из Бессердечного милосердия. Их
нанимают для быстрых, тихих убийств, дарующих избавление. Но Фрей устала
от торговли смертью. Она выросла на героических сагах своего народа и
мечтает о лучшей жизни. Узнав о безжалостном монстре, опустошающем
соседний город, Фрей решает, что это единственный шанс для нее и ее подруг.
Убийство этого чудовища принесет девушкам славу, удачу и новое будущее.
Более того, действия Фрей могут изменить судьбу всех женщин в мире...

УДК 821.111-312.9 (73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-115233-8

© Тухолки Э., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Ведьмы	6
Один	6
Два	9
Три	12
Четыре	19
Пять	25
Шесть	30
Семь	35
Восемь	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Эйприл Женевьевы Тухолки Бессердечное милосердие

Copyright © 2018 by April Genevieve Tucholke

© А. Жаворонков, перевод на русский язык, 2020

© О. Захватова, перевод на русский язык, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Всем взыскующим славы

*Рассказ завершен, исполнен куплет,
Покойник сожжен, клад спрятан монет,
Погаснет огонь – и стужка вослед,
Отважных таких на свете уж нет.*

«Песня одинокой девушки» (из «Саги кровавого инея»)

*Это история о героях,
о Несущих Милосердие и ведьмах,
о болотах и Мерроу,
о тростнике и шипах,
о женинах и гигантах,
о храбрости и дружбе,
о той эпохе, что заканчивается,
и той, что вот-вот начнется.*

Эска Рот, ярл Голубого Ви. Из поэмы «Сестры последнего милосердия»

Я же стяжала победу...

или погибну!

«Беовульф» (пер. В. Тихомирова)

Ведьмы

Один

Говорят, перед смертью человека одолевает жажда, так что всем нашим подопечным мы всегда даем напоследок напиться.

Я достала из кармана флягу с вайтом из черной смородины, вытащила пробку и сунула горлышко ей в рот.

– Давай же, – сказала я. – Пей, лапушка.

Она сделала приличный глоток. Я отвела фляжку и стерла капельку с ее губ. Губы под моими пальцами были теплыми и пухлыми, точно красная слива, сорванная с ветки на исходе августовского дня. Всех наших подопечных я зову лапушками. Даже бородатых силачей с каменными бицепсами на ручищах и законченных негодяев с холодными бесчувственными сердцами и засохшей под ногтями кровью. Все они для меня – лапушки.

С ног до головы она была облачена в темный шелк. Слегка колеблясь в потоках воздуха, ткань подчеркивала ее формы и была такой нежной, таким невесомой, будто соткали ее из нежных летних ветерков. Мне хотелось коснуться шелка. Мне хотелось надеть его. Наши плотные одежды из шерсти, меха и кожи, какие носили все в Ворсе, хорошо сохраняли тепло, но ни глаза, ни тела не радовали.

Руна, тоже разглядывавшая ее одежду, произнесла:

– Ты – из Ибера.

Женщина кивнула.

– Я выросла среди белых песков, а не среди снегов. Солнце там сияет ярко, а у женщин по жилам струится огонь.

Она сама наняла нас. Она желала смерти. Ее муж, ее дети – все умерли от болезни. Как ее занесло в темную, бревенчатую хижину с крышей из дерна на дальнем конце Черного Елового Леса, я понятия не имела.

Женщина в шелках была высокой – выше меня и даже выше Руны. У нее были темно-карие глаза и заостренные, точно у эльфов из ворсийских сказок, уши. Я протянула ей флягу, и она сделала еще глоток вайта, а затем сунула мне в руку золотую монету.

– Как твое имя? – спросила она.

– Фрей, – ответила я, но ее имени не спросила.

Со вздохом опустив нежную руку мне на плечо, она прижалась ко мне. Я аккуратно открутила черные волосы с ее щеки. Волосы были тяжелые и пахли югом, а еще мирром и ладаном.

– Мы сделаем все быстро, лапушка, – заверила ее я. – Как и обещали.

Она взглянула на меня, и на устах ее мелькнула печальная улыбка.

Я сделала жест Ови, стоявшей у холодного очага, и та приблизилась – упруго и мягко, точно вышедший на охоту снежный кот. Джунiper, наша Морская Ведьма, принялась молиться на груде шкур и тряпья в углу. Тригв стоял со мною рядом, а Руна наблюдала за нами, привалившись спиной к дверному косяку.

Ови протянула мне свой нож – лучше и острее моего. Я приняла клинок и перерезала женщина горло. Вспышка острого серебра, и дело сделано. Она до самого конца смотрела мне в глаза, так ни разу и не взглянув на нож. Я опустила ее на пол.

Закончив молитву, к нам подошла Джунiper. Положила голову на грудь подопечной, и волосы ее разметались. Волосы у Джунiper были светлые, с проседью, и, как и у всех ведьм из Мерроу, отливали жемчужным блеском.

Мы ждали. Дыхание подопечной угасало. Все медленней, слабее и, наконец, прервалось вовсе. Прервалось навечно.

– Держу пари, в юности она была неистовой. – Я закрыла веки покойной большим пальцем. – Неистовой, как солнце Ибера. Хотелось бы знать, как ее занесло сюда, на холодный север...

Руна пронзила меня взглядом.

Она часто говорила, что думать о наших подопечных после смерти опасно. И что мои мысли об их жизни и о превратностях их судеб накликают на меня беду или ослабят меня.

Сама Руна слабой не была. Она вполне могла бы покинуть нас и, собрав новую группу Дарующих Милосердие, возглавить ее. Однажды я поделилась этими мыслями с Джунипер, но та, пожав плечами, возразила, что вождю кроме силы нужно еще и воображение.

Руна отправилась обследовать пустой холодный дом. Я знала, что ищет она одежду, пищу и оружие. Я перехватила ее в темном коридоре перед завешенным старыми медвежьими шкурами дверным проемом, ведущим в еще более темную, мрачную комнату.

Руна частенько забирала простые полезные вещи у наших подопечных. Так в ее заплечном мешке появились моток прочной пеньковой веревки, лоскуты кожи, металлические крючки, пузырьки со снаряжением. Руна всегда поступала так, как ей было угодно, и я ее за это уважала, но сейчас не собиралась потакать ее склонностям.

– Оставь все как есть, Руна. Дело сделано – пора убираться.

Она поджала губы, взглянула на меня, а затем заговорила:

– Здесь могут быть спрятаны ценности... Сокровище с юга... Быть может, даже пустынный жемчуг. Продав его, у нас хватило бы золота, чтобы сесть на корабль и...

– *Нет*. – Голос Ови отозвался в коридоре гулким эхом. – Мы не крадем. Оставь ее вещи в покое, Руна.

Рядом с Ови стояли Тригв и Джунипер. У Тригва вид был самый решительный, в то время как Джунипер, очевидно, вовсю боролась с собой. Ее воровские повадки все еще давали о себе знать, но, несомненно, она отлично помнила многократно повторенные Сигги слова о том, что боги всегда наблюдают за нами, и что они непременно накажут Воительниц Милосердия, вздумай те взять у своих подопечных хоть что-нибудь, кроме оговоренных в качестве платы монет.

Но воровство воровству рознь, и, прежде чем уйти, ножом Ови я срезала локон с головы женщины из Ибера.

Она не хотела, чтобы ее тело сожгли. Она просила нас, открыв настежь входную дверь, оставить ее в хижине на опушке леса, и ночью, несомненно, дело закончат волки.

– Так поступают в Ибере, – сообщил Тригв. – Я об этом читал.

Уйти прочь, оставив тело женщины на растерзание диким зверям, было тяжело. Я предпочла бы предать тело огню и отпустить душу южанки воспарить к Холхалле. Или, на худой конец, похоронить ее в земле, как это принято у жителей Элша.

То, как человек предпочитает умереть, говорит многое о том, как он жил. Женщина в черных шелках хотела умереть кроваво.

И кто я такая, чтобы противиться ее последней воле?

* * *

В ближайшем ручье мы смыли с наших рук кровь. Как всегда, мы старались не запачкать одежды, и на этот раз нам это удалось. Так, к сожалению, получалось далеко не всегда, и люди, встретив нас на дороге, вечно пялились на старые темно-красные пятна на шерстяных туниках, а затем поспешно отводили взгляд. Пятна напоминали им о том, что однажды на нашей одежде может оказаться и их кровь. Думать об этом людям было невмоготу.

Нас называли Дарующими Милосердие, или иногда – Сестрами Последнего Милосердия. Поговаривали даже, что мы – тени, духи, и если к нам прикоснуться, любая из нас превратится в облачко дыма, которое вскоре растворится в воздухе.

Людям всегда не по себе еще и оттого, что мы – женщины с оружием. Но ни один мужчина не станет делать эту темную, печальную работу, а в Милосердии есть нужда.

Однажды летним вечером я спросила наставницу Сигги о нас, Сестрах Последнего Милосердия. Спросила ее, когда ремесло смерти появилось и почему. Она сказала, что не знает. Барды не поют об этом песен, и в сагах об этом нет ни слова, но очевидно, что Дарующие Милосердие появились давным-давно.

– Ярлы приходят и уходят, – прошептала Сигги, не сводя темных глаз с последней оранжевой полоски света над западным горизонтом. – Сестры Последнего Милосердия остаются. Мы блуждаем по Ворсленду еще с тех времен, которые описаны в Хрониках Ведьмовских Войн, а возможно, мы были и прежде. О нас не помнят, нас не замечают, до той поры… до той поры, пока в нас не возникает нужда. И было так всегда. – Она сделала паузу. – Наше призвание не в чести, но оно благородно.

Я промолчала, но Сигги, несомненно, прочитала мои мысли.

– Верь мне, Фрей, наша жизнь не так уж и плоха. Многим живется гораздо хуже. И только глупцы хотят стать великими. Только глупцы отправляются на поиски славы.

Два

Сон, как обычно, не шел ко мне, а лишь коварно манил, подобно тщедушной, с ввалившимися глазами фее из северных саг.

Низкорослое, гибкое тело Ови плотно прижималось к мне, мы дышали в едином ритме, лежа ногами к умирающему огню. Мы остановились в девяти-десяти милях от городишко, называемого Хейл. Там наверняка нас ждет работа, и, учитывая, что кошелек у меня на поясе почти пуст, мы за нее возьмемся. Монету женщины из Ибера обменянем завтра в ближайшем постоялом дворе на еду и эль, что станет приятной переменой после воды из реки и пойманного сегодня вечером в силки кролика.

Я прислонилась щекой к макушке Ови. Ее густые светлые косы пахли снегом, как и вся она. Снегом и еще немножечко арктической вайдой, поскольку каждые несколько месяцев крастила концы волос благоухающими листьями северной вайды, отчего они становились голубыми, точно зимнее небо. Так уж ей нравилось.

Хоть Ови никогда не говорила о своем возрасте, мы думали, что она – старшая из нас, и что ей, возможно, девятнадцать, а может быть, и все двадцать. Она была немногословна, отчего, наверное, и казалась мудрее.

Но, несмотря на всю свою мудрость, по ночам Ови обнимала меня руками, точно ребенок, и что было сил прижималась ко мне. Джунипер однажды предположила, что это из-за кошмаров, в которых, похоже, Ови снилось, как она лишилась глаза.

Позади меня во сне зашевелилась Морская Ведьма. Она, свернувшись калачиком, лежала, спиной привалившись к моей спине, и ее густые локоны служили нам подушкой. В отличие от Ови Джунипер едва заметно пахла солью, или скорее солеными цветками, которые фремиши извлекают из океана и, высушив на солнце, используют как специи. Однажды я даже попробовала ногу жареного оленя, щедро сдобренную такими специями, – то была плата за наши услуги: мы избавили от мук больного сына слуги, который, по мнению ярла, умирал слишком уж медленно.

Руна, как обычно, спала поодаль, и ее длинные ноги окутывала полутьма. Остальные всегда спали вместе, и постельным бельем нам служили наши теплые черные плащи.

Спать вместе, точно стая собак, согревать друг друга по ночам... Я с детства к этому привыкла. Но знала я и как спится одной – хорошо помнила долгие одинокие часы, которые провела на дороге после того, как убежала из Блаженного Дома. Я сворачивалась клубочком под деревьями, и не было никого, к кому имело смысл бежать, да и идти было некуда. Воспоминания были так свежи, словно от тех тоскливых ночных меня отделяло мгновение длиною в биение сердца.

Рядом послышался шорох. Я подняла глаза. Оказалось, Тригв встал и подбросил полено в костер.

Как и многие мужчины в Ворсленде, Тригв носил длинные волосы. Люди часто принимали Тригва и Руну за брата и сестру, хотя, по-моему, эти двое отличались друг от друга, как снег и кровь.

Тригв был рожден за три недели до начала фестиваля Остара¹, во время последних судорог умирающей зимы, и, видимо, от того мысли его были четкими, радостными и ясными, точно зимний ветер, налетевший вдруг с океана. Он был отменно уравновешен, и в сердце его жило сострадание, подобное состраданию лекаря. Он был самым беспечным из нас – таким же беспечным, как Квиксы – знаменитые лучники, что бродят среди Семи Бесконечных Лесов.

¹ Остара, или Эостра (др. – англ. Ēastre, др.-в. – нем. Östara) – согласно реконструкциям мифологов, древнегерманское божество, предположительно связанное с приходом весны и пробуждением природы.

И у Джунипер была живая, веселая душа, какой не было ни у Руны, ни у Ови.

Джунипер однажды сказала, что Руна и Ови постигли тьму, и теперь они носят ее в себе, но Тригв тьму отверг и устремлениями обратился к свету. Морская Ведьма, приподняв брови и уперев руки в бока, пристально взглянула на меня, будто спрашивая: «*А как с тобой обстоят дела, Фрей? Что в душе у тебя, мрак или свет?*»

Мы нашли Тригва прошлой зимой. Он сидел рядом с опрокинутой телегой, единственный оставшийся в живых из деревни Доррит. У него не было ни семьи, ни дома, как и у всех нас – Сестер Последнего Милосердия.

Своих родителей я потеряла, когда мне было двенадцать. Они умерли от снежной лихорадки. Отец мой был рыбаком, иногда строил корабли, а мать была ткачихой. После их смерти брат моего отца продал меня в Блаженный Дом, где мне пришлось стирать белье и мыть полы. Повзрослев, я должна была приступить уже к другим обязанностям – обязанностям взрослых женщин. Когда рыжеволосая управительница Блаженного Дома, добрая только с виду, заявила, что я уже готова для работы в спальнях, поздним вечером я выбралась из окна и сбежала. Я бежала и бежала, и остановилась, лишь встретив Сигги.

Ночи тогда делались все длиннее и холоднее – уже наступила осень. Лето в Ворсленде яркое, радостное, но короткое – недель десять–двенадцать, не более. Я со страхом ожидала приближающейся зимы, помня предыдущую, весьма жестокую. В ту зиму у дорог я сама видела не менее шести припорошенных снегом синюшных тел путешественников, замерзших рядом с потухшими кострами. Частенько я и по сею пору опасаюсь, что ночью потухнет и наше пламя – один пронзительный порыв ветра, и все мы вскоре заснем навеки. Но Руна, к счастью, умеет отлично обращаться с огнем: даже в самую холодную ночь она может разжечь самое мокрое дерево, и пламя не гаснет до рассвета.

– У тебя особый талант, Руна, – несколько дней спустя после встречи с нами, Дарующими Милосердие, сказала Джунипер – Морская Ведьма, которую последней из нас перед своей смертью завербовала Сигги.

Руна лишь молча пожала плечами, вытаскивая из маленькой коробочки кремень, огниво, обугленную холстину и трут.

– То, что ты считаешь всего лишь сноровкой, мои сестры по прежней жизни, Морские Ведьмы, называют особым даром. – Джунипер подняла сжатую в кулак руку и стукнула себя в грудь. – Дар этот исходит от богини Джут. И негоже воспринимать его, как должное.

– А с чего ты взяла, что свою способность я воспринимаю именно так? – Руна, согнувшись, принялась старательно дуть, и вскоре трут занялся. – Да и вообще, почему бы тебе самой, коли на то пошло, просто не помолиться своей возлюбленной богине? Пусть она снабдит нас огнем, а меня избавит от излишних хлопот.

Джунипер пожала плечами.

– Молитва не для этого. Это дар, а не просьба.

Руна одарила Джунипер пристальным взглядом.

– В самом деле? – В голосе ее явственно слышалась издевка, хотя лицо осталось абсолютно спокойным, невозмутимым.

Джунипер лишь улыбнулась в ответ, и тогда-то я и поняла, что Сигги была права – эта крошка девочка с огромными ушами и вечно распахнутыми серыми глазами отлично подойдет нашему отряду Сестер Последнего Милосердия. Ее искренность и непосредственность были полной противоположностью глубоко укоренившимся в Руне недоверию и сомнениям. И я, и Ови редко молились. Сказать по правде, большинство граждан Ворсленда особой набожностью не отличаются – кроме монахинь культа Готи, Морских Ведьм да, быть может, горстки благочестивых ярлов. Остальные же, и я среди них, к молитве прибегают лишь когда совсем припечет.

Если я молюсь, то молюсь Валькрии – прекрасной, молчаливой, таинственной богине Сестер Последнего Милосердия и всех девушек-странниц. Считается, что она благоволит к нам. Молитвам меня, как и всему прочему, учила Сигги. Точно так же она учила меня быстро и чисто перерезать глотку, используя для этих уроков кроликов и белок; учила быть терпеливой и бесшумной, пробираясь вслед за волками и лисами к их норам, учила многому. Но в молитвах я не слишком нуждалась, и оттого никогда не старалась их запомнить.

Джунипер шепнула что-то во сне, и ее волосы скользнули по моей шее. Самая маленькая из нас, да к тому же самая юная – лет ей было не более пятнадцати, она давно повзрослая. Двигалась она легко, точно весенний ветерок, а воровала без малейшего зазрения совести. Она стянула бы с тебя сорочку, а ты узнал бы об этом, только почувствовав холодный ветер на спине. Если силки Ови не срабатывали, то за дело бралась Джунипер. Частенько она, бесшумно пробравшись ночью в курятник мимо сторожевых псов, воровала оттуда куриц. Однажды, едва фермер отвернулся, она украла сонную рыжую корову с кроткими коричневыми глазами, и потом мы целую неделю пили парное молоко, а затем обменяли эту корову у сапожника на высокие кожаные ботинки на овечьем меху – по паре для каждой из нас. Ботинки сослужили нам добрую службу следующей зимой и, возможно, только благодаря им никто из нас не отморозил ни единого пальца на ногах.

Я подумала о лежавшем в моем заплечном мешке, украденном мною локоне женщины из Ибера.

Человек никогда не умирает, пока о нем помнят. Воспоминания делают покойных бессмертными. Именно поэтому мужчины отправляются на войну. Именно поэтому они грузятся на боевые ладьи и отправляются в набег на Элшленд. Они рисуют своими короткими никчемными жизнями в надежде обрести бессмертие. В надежде стать героями, о которых барды будут слагать песни.

Руна считает войну глупым и никчемным занятием. Джунипер вздрагивает от одной мысли о напрасно потерянных жизнях. Тригв говорит, что война делает людей бессердечными. Ови не говорит о войне ни слова.

Но я-то знаю точно. Я понимаю мужчин.

Я хочу изменить свою судьбу, хочу встать посредине реки времени и обратить ее вспять. Пусть не навсегда, пусть лишь на время.

Если я останусь всего лишь Сестрой Последнего Милосердия, то после моей смерти память обо мне в своих сердцах будут нести только мои сестры.

Сигги говорила, что жить незаметной, но благородной жизнью почетно. Она говорила, что такая жизнь требует отваги. В этом я с ней не согласна, как не согласна во многом другом. Я не хочу, подобно женщине в шелках, умереть одной в лесу, одной в целом мире. Не хочу в конце пути понять, что радость жизни ушла, любовь ушла, огонь в крови потух, и теперь мне остается лишь последний глоток вайта, а затем блеск клинка, тело падает, и под ним растекается лужа крови, а ночью за моим телом являются голодные звери.

Я хочу, чтобы обо мне знали. Хочу, чтобы обо мне слагали и пели песни. Хочу, чтобы мужчины и женщины носили меня на руках, выкрикивая мое имя в небо.

Я была девушкой, Дарящей Милосердие. Девушкой без семьи, без дома, без счастливого будущего, но в крови пело предчувствие славы.

Джунипер говорила, что богам по нраву смиренные люди. Но боги не сделали для меня ничего хорошего, и я их не боюсь.

Я приподняла руку и протянула ее над Ови, разыскивая в темноте теплые пальцы Тригва. Отыскала их. Сжала. К нему, как и ко мне, сон приходил не сразу.

И, наконец, я уснула, и сны мои были бурными. В моих снах на ночное небо выли волки. На черные поля волнами нисходил белый лунный свет, а серые камни вокруг были забрызганы густой красной кровью.

Три

Следующим утром мы неспешно прошли деревушку Хейл, и видевшим нас немедля мерещилась смерть. День здесь выдался ярмарочным, суэтным, но, позабыв о веселье, селяне спешно расступались при виде наших плащей грубой вязки с перьями ворона, вышитыми черным по черному. Каждый старателю прятал глаза, не желая привлечь к себе даже малейшее внимание Сестер Последнего Милосердия.

Только женщинам в этих плащах дозволяется выполнять работу Дарующих Милосердие в Ворсленде. Иначе любой, купив кинжал в ближайшей деревенской лавке, стал бы торговать смертью без риска прогневать чрезмерно рьяного ярла. Именно плащи отличают нас от прочих. Четыре таких плаща я получила два года назад от дочери портного. Дочка хотела избавиться от отца – тот слишком много пил, бил ее, и, похоже, этим не ограничивался. Руна тогда сказала, что это убийство из мести, а вовсе не из Милосердия, и потому нам не подобает совершать его. Ови считала, что этим убийством мы непременно накличем на себя беду. Но мне было плевать. Я видела синяки на лице девчонки и темно-лиловые кровоподтеки на шее. Когда ее отец ночью вышел из таверны по малой нужде – я воткнула ему нож прямо в кишки и медленно провернула его. Он скорчился и повалился в грязь, истекая кровью. Умирал он медленно, в мучениях, и я была этому рада.

Сигги говорила, что Сестрам Последнего Милосердия негоже наслаждаться убийством, но убивая тех, кто избивал своих жен и дочерей или был жесток к животным, я испытывала удовольствие, и не стыжусь этого.

Без спешки мы добрались до постоянного двора. Здесь в очаге пыпал огонь, столы были прочными, а бармен, увидев нашу монету, и думать позабыл о том, что на нас черные плащи Сестер Последнего Милосердия. Я заказала тушеную говядину, хлеб и по пинте темного эля для каждого из нас. Стол мы выбрали подальше от очага, в полутиме; Руна и Джунипер уселись с одной стороны, с другой – Тригв, Ови и я между ними. Тощая служанка вскоре принесла нам источающие пар миски и кружки с пенным элем. Я была рада сидеть в теплом месте, а не на холодной земле.

Руна моего настроения не разделяла. Она съела три ложки рагу, а затем опустила ложку со стуком на стол.

– Я сыта по горло убийствами ради милосердия, – заявила она.

После смерти Сигги мне доводилось уже не раз слышать подобное. В отличие от давших присягу ярлу воинов-наемников Элшленда, Сестры Последнего Милосердия вольны покончить с ремеслом, дарующим смерть, и сопутствующими ему странствиями при первом желании и не будут за это наказаны. Несомненно, многие из нас обдумывали такую возможность, и у каждой, похоже, была на то причина.

Ови не возражала против торговли смертью, но, насколько мне было известно, хотела бы отправиться в путешествие к дальним странам и повидать мир. Руна была не против бесконечных странствий, но ненавидела приносить смерть. Джунипер, воспитанной Морскими Ведьмами в бухте Молчаливого моря и знавшей, что такое дом и семья, отчаянно хотелось осесть на одном месте.

Каждая из нас была лишь отчасти довольна своей жизнью, и каждая хотела изменить ее к лучшему.

Мне, например, хотелось бы, чтобы мои родители оставили мне в наследство маленький, удаленный от суеты участок земли на дальнем конце какого-нибудь тихого ярлства. Я бы стала фермером и не зависела бы ни от чьих капризов, кроме капризов природы и богов.

В своих странствиях по Ворсу я видела женщин-фермеров. Они возделывали землю, собирали урожай, и так сезон за сезоном, год за годом. Уверена, их жизнь была трудной, и

выглядели они обычно полуголодными и рано постаревшими, но будь моя воля, я бы, не колеблясь, обменяла свою долю Сестры Последнего Милосердия на такую, тяжелую, фермерскую.

Желание мое стать фермером было искренним, но я понимала, что, обзаведись я фермой, через год, от силы два я бы ее непременно продала. Ведь я была бродягой до мозга костей, и Сигги это сразу же во мне разглядела. Я никогда бы не стала всю жизнь ковыряться в грязи. Ведь мне хотелось большего. Гораздо большего.

— Я сыта по горло жизнью Дарующей Милосердие, — громче прежнего произнесла Руна. Я пристально взглянула на нее.

— Однажды став Сестрой Последнего Милосердия, ты всегда останешься Сестрой Последнего Милосердия. — Именно так говорила Сигги, если я спрашивала ее, не думала ли она когда-нибудь отказаться от ремесла смерти. — Мы видели так много смертей, что они навсегда останутся в наших сердцах, носим ли мы черные плащи или нет.

Руна стукнула кулаком по столу так сильно, что из наших кружек выплеснулось порядочно эля.

— А если мы присоединимся к Квиксам, кем мы станем? Ведь Квиксы говорят: «Однажды став Квиксом, ты навсегда останешься Квиксом». Может, к истине ближе их правда?

— Руна. — Голос Ови был мягок, но глаза сузились, выдавая ее настроение. — Прекрати.

Руна заморгала, но, тем не менее, остановиться не пожелала:

— Я хочу заниматься чем-нибудь другим. Чем угодно. Давайте присоединимся к Квиксам.

Квиксы бродили в Семи Бесконечных Лесах. Питались тем, что давала им охота и собирательство, а иногда им кое-что перепадало и от фермеров. Охотясь, они были сосредоточены, целеустремлены, а ночью у костров беззаботно веселились. В наших странствиях вдоль границ Ворсленда мы встречали Квиксов, и те неизменно предлагали разделить с ними их костры и пищу.

По законам Ворса мы носили длинные волосы, и они были таким же знаком Дарующих Смерть, как и наши плащи. Квиксы же стриглись коротко, что, как они полагали, помогало им в охоте, делая их бесшумными и быстрыми. Считалось, что они благословлены богами, и ярлы верили, что они приносят удачу тем лесам, по которым бродят. Многие ярлы по древним законам Ворса платили Квиксам золотом за то, что те охраняли их леса от воров и бандитов, что для искусных стрелков было плевым делом. На золото Квиксы покупали себе крепкие сапоги и отличные скроенные, долговечные плащи. Деньги позволяли им устраивать по всему Ворсленду тайники с запасами — пещеры, домики на деревьях и отлично замаскированные хижины в глубине леса.

Я отодвинула кружку и оперлась подбородком на руку, поставив ее локтем на стол.

— Мы уже говорили об этом, Руна. Квиксы не примут нас. Я просила об этом каждый раз, когда встречала, и каждый раз неизменно была отвергнута. Им нужны лишь бесшумные искусные лучники.

Руна пожала плечами.

— Мы всему научимся. Они нас и выучат.

— К чему им, неторопливым на гнев, но скорым на веселье² мы, Дарующие Смерть?

Серые глаза Джунипер метнулись от меня к Руне, а затем вернулись обратно. Из-под стола послышалось едва различимое позвякивание — Джунипер принялась перебирать в кармане туники крошечные раковины, подобранные ею на берегах Мерроу. Так она делала, когда волновалась. Руна, закрыв глаза, вздохнула.

— Тогда давайте просто сами уйдем в ближайший Бесконечный Лес.

Я покачала головой.

² Вероятно, отсылка к Посланию Иакова: «всякий человек да будет скор на слышание, медлен на слова, медлен на гнев...» (Иак. 1:19).

– У Квиксов есть золото, и, что самое главное, заранее приготовленные убежища. Они переждут в них зимой самые злобные бури в тепле и уюте. А что станем делать зимой мы, без убежищ и без монет?

Руна отхлебнула эля и вытерла рот тыльной стороной рукава.

– Ну и ладно. Подадимся тогда к Морским Ведьмам.

Джунипер через плечо глянула на Руну.

– Ничего не получится. Я тебе об этом уже говорила. Морские Ведьмы чужаков не принимают. Матушка Хаш не позволила мне приютить даже бродячую собаку, и лишь потому, что собака была рождена не на берегу Мерроу. Но я все-таки приютила собаку. Я кормила ее свежей рыбой и пела ей собачьи молитвы…

– И за это тебя и изгнали? – Гнев Руны в мгновение ока переключился с меня на Джунипер.

– Меня никто не изгонял.

– Так почему ты бродишь с нами? Морские Ведьмы защищают своих. Должно быть, ты совершила что-то ужасное, раз они от тебя избавились.

Я со стуком опустила свою кружку на стол.

– Угомонись, Руна.

Сидящая рядом со мной Ови одним глотком допила свой эль. Бесшумно поставила кружку на стол. Быстро, бесшумно выхватила кинжал, перегнулась через стол и приставила острие кинжала Руне к горлу.

– Оставь Джунипер в покое. У нее есть право на собственные секреты, как и у любой из нас.

Тригв открыл было рот, но мне хотелось посмотреть, чем кончится дело, и я положила свою ладонь ему на руку, и протест застрял у него в горле.

– У меня никаких секретов нет, – прошипела Руна, переводя взгляд с глаз Ови на клинок, приставленный к ее горлу.

– У нас у всех есть секреты, – прошептала Джунипер.

– Да. – Ови убрала кинжал в ножны на поясе.

Жители Ворса не любят говорить о прошлом. Они уверены, что такие разговоры приносят несчастье. Ведь когда герои в сагах говорят о своем детстве, они вскоре умирают.

Руна большим пальцем провела по царапине на шее и стерла кровь, пропустившую под острием кинжала. Ови была единственным существом во всем белом свете, которое пугало ее. Но огонь в жилах Руны был лишь усмирен, но не потушен.

Она откинулась на спинку стула и скрестила на груди руки.

– Так, значит, мы не можем присоединиться к Морским Ведьмам. А как насчет монахинь Готи?

Я покачала головой.

– В их монастыре можно попасть, только даровав огромные приношения их богу, Обину. А в ремесле смерти они, пожалуй, искуснее нас. Не представляю тебя, Руна, обмывающей мертвцев перед сожжением. А что если ярл решит принести Форсету девственницу в жертвы, и монахини на эту роль выберут тебя? Что тогда?

Руна не ответила. Все мы тоже хранили молчание, а вокруг нас обычным гомоном суетилась таверна.

Руна взглянула на меня.

– Ну ладно, Фрей, что тогда предлагаешь ты? Мои идеи тебе, очевидно, не нравятся, но я знаю, что нести Милосердие ты ненавидишь не меньше меня.

Я откинулась на спинку стула, и вознесла безмолвную молитву Валькрии, в надежде, что та ниспошлет мне хорошую новую идею.

Люди возле очага зашевелились. Там со своего места поднялся высокий мужчина с длинными рыжими волосами и начал рассказывать свою историю. Поначалу его едва было слышно, но постепенно люди в таверне притихли – ложки прекратили стучать о миски, разговоры смолкли, а глаза всех присутствующих обратились к рассказчику.

А рассказывал он историю о Звере Голубого Ви³.

Я не раз уже слышала об этом чудовище, которое явилось из ночи и перебило всех жителей деревни в Голубом Ви. Убило всех мужчин, женщин, детей. Через несколько недель, а может быть, и месяцев, бойня повторилась. Говорили, что чудовище поедает трупы. Говорили, что оно утаскивает их в свое лежбище. Говорили, что забирает оно только девушек. Говорили, что только мальчиков. Говорили, что утаскивает оно только головы, а затем глумится над ними, совершая темные магические ритуалы.

– …и утром они обнаружили обезглавленные безжизненные тела, и тела были подвешены за ноги на деревьях, даже самые юные, даже дети. Люди Рота сняли покойников с деревьев и сожгли, но деревня до сих пор населена их душами, и души мертвых бродят после полуночи, – голос рыжеволосого заполнил весь трактир. – Ярл Рот предложил сто золотых клинов любому, кто расправится с бестией, но есть ли среди вас хоть один, кто отважится на это?

Рот был ярлом Голубого Ви, и половина его воинов сражалась с чудовищем, и все они были убиты. Он возвзвал за помощью к соседним ярлам, но мало кто откликнулся на его зов. Дорога туда по суше была трудна и очень опасна – либо через Болота Красных Ив, либо через узкий петляющий проход через Скальские горы. На Петляющем перевале жили нефритовые – дикие люди с далекого севера, жестокие и бесстрашные. Говорили даже, что они поедают сердца убитых ими.

Опасностей этих можно было бы избежать, отправившись морем, но для этого нужен был баркас с двумя дюжинами сильных гребцов или парусное судно, которыми владеют только ярлы. Заплатив золотом, можно было бы сесть на редкий в тех краях торговый корабль, но кто с таким богатством рискнет отправиться на схватку с монстром?

Люди в таверне начали перешептываться. Они называли Голубой Ви проклятым местом и гадали, что будет, если убить чудовище не удастся. Может, оно вернется на дальний север и оставит Ворсленд в покое? Или оно двинется на юг?

Рыжеволосый воздел кулак, и в свете пламени очага на его запястье блеснул бронзовый браслет.

– У кого же хватит духу сразить чудовище? – Он указал на широкоплечего мужчину у двери. – Что на это скажешь ты, кузнец? Положишь ли конец ужасу?

Кузнец, симпатичный бородач лет тридцати, лишь пожал плечами.

Никто не ответил на зов Рота. Подобные зрелища в тавернах за последние несколько месяцев я видела дюжину раз.

Но все же…

Но теперь…

Я посмотрела в глаза всем Сестрам Последнего Милосердия по очереди.

– Мы отправимся на запад, найдем там Зверя Голубого Ви, сразимся с ним, убьем его и получим награду.

Ови ничего не сказала. Джунипер тоже молчала.

– Голубой Ви? – Руна потерла ладонью подбородок и обеспокоенно взглянула на меня. – Таков твой план вытащить нас из ярма Дарующих Милосердие? Мы убиваем больных и старых,

³ Явная отсылка к вё (др. – сканд. Vé) – святилищу или отгороженной священной территории в скандинавском язычестве. В скальдической поэзии и топонимах вё, как правило, упоминается вместе с именем того или иного божества, которому оно посвящено. Имя скандинавского божества Вё, вероятно, основано на этой традиции. – Здесь и далее – примеч. пер.

Фрей, но не кровожадных зверей. С чего ты взяла, что мы справимся с чудовищем? Чудовищем, которое не одолели хорошо подготовленные воины?

Мое сердце уже билось быстрее, кровь бурлила в венах.

Мне хотелось драться с тем, кто даст отпор.

Мне хотелось этого больше, чем дома и семьи. Мне хотелось этого сильнее, чем еды и золота.

Я встретилась глазами с Руной.

– Подготовленные воины убивают громко. Мы убьем тихо. Так, как ты убиваешь на охоте.

– Молчите. Вы обе. – Ови кивнула на мужчин, игравших в кости поблизости. – Они слушают наш разговор.

Мы немедля покинули таверну, и прикончили рагу и эль под огромным дубом, растущим на краю города. Затем растянулись на траве, еще пахнувшей летней свежестью и последними в этом году запоздалыми цветами.

* * *

Я проснулась первой и долго лежала, положив руки за голову и глядя вверх. Небо было бездонно голубым, как в лучшие вечера в начале осени.

Но листья на дубе уже меняли цвет. Явный признак грядущих перемен. Явный признак пришествия…

Зимы!

Дни короткие, ночи длинные. Еды мало. И холодно. Всегда, всегда холодно.

Работа Дарующих Милосердие обычно начинается после того, как тени начинают удлиняться. Люди со смертью в устремлениях находят нас, когда солнце уже почти коснулось западного горизонта.

Сутулая, точно ствол можжевельника, старуха. «Придите в дом на самом южном перекрестке. В дом с пятью окнами. Принесите яд. Я заплачу».

Кузнец из трактира – с темными грустными глазами. «Придите на кузницу, поднимитесь по ступенькам с задней стороны, дважды постучитесь. Моя бабушка жаждет увидеть Холхаллу».

Отец, худой, усталый, с пустыми коричневыми глазами. «Придите в хижину у высокой сосны. Отсюда строго на север. Там все поражены болезнью, которая съедает кожу».

И последняя просьба – когда толстое оранжевое солнце уже покидало небеса. Девочка, не старше двенадцати, с длинными черными волосами и зелеными глазами. «Мне нужен флакон голубого семени».

– Мы не торговцы в разнос, – заявила Руна. – Мы используем яд, но не продаем его.

Голубое Семя было сильным ядом, приносило быструю и безболезненную смерть, но в малых дозах опустошало женское лоно. Молодые женщины иногда приходили к нам за этим снадобьем, но всякий раз я советовала им отыскать торговцев зельем, а впредь использовать масло дикой моркови для предотвращения подобных случаев.

Под пристальным взглядом Руны черноволосая девочка задрожала.

– Мой отец отправился в Болота Красных Ив и сгинул там. Мать моя обзавелась новым мужем, и он… Он не добр ни к ней, ни ко мне. Я хочу, чтобы он умер.

– То было бы убийством ради мщения, а вовсе не ради Милосердия. – Голос Руны слегка смягчился.

Подошла Джунипер и обняла девушку за талию. Отвела прядь ее волос и принялась шептывать ей на ухо молитву.

Мы встретились с Ови глазами. Мы уже совершили убийства ради мщения. И не только в тот раз, когда получили в награду плащи Сестер Последнего Милосердия. Убийства ради мщения запрещены, и нам несдобровать, если правда о них откроется.

Ови кивнула. Она была согласна со мною.

Я сунула руку в кожаную заплечную сумку, вытащила оттуда флакон маслянистой голубой жидкости и вручила его девушке.

– На, возьми, – сказала я. – Но помни, наша Морская Ведьма все видит и все знает. Если ты отравишь кого-нибудь, кроме отчима, мы разыщем тебя и отправим прямиком в Хейл. Поняла?

Мгновение она смотрела на меня, затем кивнула, вручила мне две монеты и побежала прочь, вскоре исчезнув в ночи.

Торговцы Зельями строго следуют законам и никогда не продадут свой товар ребенку. Иногда они не продавали яд даже нам. Сигги никогда бы не дала яда девочке.

Я не знала, делали ли Сигги ее правила сильной Сестрой Последнего Милосердия или, наоборот, слабой.

* * *

Мы отправились на перекресток, затем – в кузницу. Старый и больной. Самые легкие задачи. Страдающих от кожной болезни мы оставили напоследок.

Каменная хижина была построена меж путаных корней древней высокой сосны. Дверь нам открыл тощий мужчина, который просил нас прийти. Глаза его были налиты кровью, руки дрожали.

У его жены, блондинки с миниатюрными руками, кожа была изъедена сочащимися язвами. При виде нас она тяжело вздохнула – то ли печально, то ли облегченно. Муж обнял ее, постоял немного, а затем ладонью приподнял ее подбородок.

– Все произойдет очень быстро, лапушка. Боли больше не будет, а будут лишь мир и покой.

Я подала знак Ови, и та протянула мне свой нож. Острое лезвие, тонкая шея – один взмах, и дело сделано – женщина навеки погрузилась в покой.

Следующим был их сын. Тригв вывел отца из хижины наружу, мы же поднялись по крутой лестнице на чердак.

Парню было не более десяти. Кудрявые светлые волосы и смелый, напряженный взгляд голубых глаз. Он умирал, лежа в постели. Джунипер опустилась на колени рядом и принялась молиться.

Ови взглянула лишь раз и потрясла головой.

– Нет. Не хочу это видеть.

Она направилась к лестнице и спустилась вниз. Я повернулась к Руне.

– Он – всего лишь мальчик. – В хриплом голосе Руны была печаль.

Я кивнула. Из всех нас только мы с Руной выполняли долг Дарующих Милосердие, когда дело касалось детей.

– Просто сделайте то, что должно, – вскрикнул паренек из постели, и в голосе его была боль. – Я хотел бы оказаться в Зале Слейна, пока во мне еще бурлит жизнь.

Он поднял сжатый кулак, и язва на его запястье лопнула, и вниз по руке потекла кровавая сукровица.

Отвага паренька поразила меня. Меня, Сестру Последнего Милосердия, видевшую бесчисленное множество смертей.

Едва слышная молитва Джунипер оборвалась.

– Я возьму его, – сказала я. – Последние два ребенка были твоими, Руна.

Руна закинула за плечи свои черные косы. Волосы ее были воистину черными, как и у многих жителей Ворса, предков которых жили на Скальских островах.

– Нет, это сделаю я. Кровь есть кровь, кость есть кость, смерть есть смерть. Все едино.

Джунипер вновь принялась молиться. Нож милосердия Руны был меньше, чем нож Ови, но не менее острий.

Люди говорили, что поедающая кожу болезнь заразна, но несмотря на это Руна подошла к парню и взяла его руки в свои.

Он сжал ее руку с такой силой, что костяшки его пальцев побелели. Он откинулся подбородок назад и…

И дело было сделано.

Тело парня обмякло, и по подушке разметались его светлые волосы.

Четыре

– Не следует нам оставаться здесь на ночлег. – Джунипер, сощурившись, неотрывно глядела на огромный камень.

Только что она среди елей молилась за парнишку и его мать, но вдруг, подойдя бесшумно, точно луна, оказалась рядом.

Мы были в нескольких милях от городишко Хейл, среди пустых полей, возле небольшого приземистого ельника. Я решила развести огонь этой ночью рядом с одиноким валуном футов пятнадцати в окружности и футов двенадцати высотой, поросшим желтоватым мхом.

Тригв помог мне собрать дрова, а Руна, как обычно, разожгла для нас костер. В воздухе явственно стоял запах осени, хотя вокруг все еще зеленело. Очевидно было, что не за горами и зима, от которой наши мышцы задеревенеют, а кровь в жилах замерзнет.

– Нам не следует здесь ночевать. – повторила Джунипер. Она выгнула спину и положила ладони себе на бедра; ее туника и черные шерстяные штаны пропитались сыростью.

– А почему не здесь? – спросила Руна.

Она была тише, чем обычно, и даже казалась грустной, но кто станет винить ее за это, после того, что она недавно сделала. Мы все выполняем свои роли Дарующих Милосердие, все мы нужны, но Руна… Руна, когда необходимо, делает то, перед чем остальные пасуют. Мы ценим ее, хотя ее нрав временами и бывает острее стали.

– Тролль, – сказала Ови, отвечая на вопрос Руны. Она подняла кожаную повязку над глазом и терла мозолистой ладонью впадину, оставшуюся на месте глаза.

Тригв уселся рядом на груду фиолетового вереска, расплел косу и мотнул головой, отчего его темные волосы волнами легли ему на плечи и спину.

– Большие валуны вовсе не тролли, обратившиеся камнем, как порой толкуют в мифах. Воины из «Саги Замерзшей Крови» называли свое оружие в честь легендарных троллей, но даже они знали, что таких тварей на свете не бывает. Тролли даже ни разу не упоминаются в книгах магических Англонов.

Руна, проходя мимо, хлопнула Тригва по плечу.

– Так ты умеешь читать. И что тебе в этом толку?

Тригв пожал плечами.

– Читать полезно.

Руна уселась рядом, скрестила длинные ноги и, достав из заплечного мешка украденный где-то оселок, принялась точить лезвие ножа.

– Быть может. Но поможет ли тебе твоя способность на охоте? Или когда нужно убивать? Поможет ли это тебе одержать победу в голом бою?

Выражение «голый бой» на жаргоне обозначало драку один на один, на которую бойцы выходили голыми и без оружия. Голый бой иногда, хотя и крайне редко велся до смерти. Ярлы часто прибегали к голым боям, когда требовалось разрешить спор между двумя тенатами. Противники обычно были одного пола, но не всегда.

Сигги учила нас убивать милосердно: показывала, куда и под каким углом бить ножом; рассказывала о ядах и дозах, приносящих смерть; учила душить человека веревкой и голыми руками; учила даже ломать человеку шею, хотя, полагаю, что сил на это хватило бы разве что у Руны. Но для победы в голой схватке нужны либо сила и выносливость, либо – хитрость и расчетливость. В странствиях нам доводилось быть свидетелями нескольких таких схваток, которые служили отличным развлечением в темные, длинные, зимние ночи.

– И все же тролли существуют.

Я оглянулась через плечо. Джунипер все еще смотрела на валун.

— Тролли всегда были смертельными врагами молодых зимних угрей. Одна из моих сестер, Морских Ведьм, видела однажды битву между зимним угрем и троллем, и было это на далеком севере за Скальскими горами, среди Диких Ледяных Равнин. То была величайшая битва крови и льда, молнии и грома. Я верю своей сестре. Морские Ведьмы никогда не лгут. Во всяком случае, не лгут друг другу.

Иногда рассказы о Ведьмах будоражили мое воображение и заставляли кровь двигаться быстрее.

Я улыбнулась.

— Надеюсь, Джунипер, что когда-нибудь встречу Морских Ведьм.

Тригв и я, опустившись коленями на стылую землю, начали готовить ужин: я кинжалом милосердия резала морковь, а Тригв — луковицы. Этим вечером у нас опять будет жаркое из кролика в эле. Тригв, бросив порезанный лук в котелок, коснулся моего плеча своим.

— Забудь все, что я говорил раньше. Джунипер права. В этом огромном валуне есть что-то странное. Мне кажется даже, что он наблюдает за мной. — Он повернулся и указал рукой. — Взгляни на эти проплешины, не заросшие мхом. Разве они не напоминают тебе глаза? И еще... Видишь тот торчащий осколок? Разве он не похож на нос? От этого камня у меня мурашки по коже. Почему ты, Фрей, выбрала для ночлега именно это место?

— Я полагала, что камень защитит нас от ветра, что, в общем-то, он и делает. Мне и в голову не приходило сравнивать это камень с троллем, и уж тем более я не думала, что вы начнете по этому поводу волноваться.

— *Хватит!* — Руна с ножом в руке вскочила на ноги. — Я вызову на голый поединок любого, кто еще хотя бы раз произнесет слово *тролль*. — Она расстегнула простую оловянную застежку у себя на горле, и ее плащ Дарующей Милосердие упал наземь. — Сегодня был последний день, когда я убила невинного. Я уже говорила об этом на постоялом дворе. С меня довольно. Не хочу и не могу больше убивать детей, убивать слабых и хворых. С меня довольно печали, довольно смертей.

Она подняла с земли свой плащ и протянула его к огню...

Я вскочила на ноги и выхватила плащ из огня. Скомкав его, прижала к груди.

— Не надо, Руна. Он тебе еще понадобится в зимние холода.

Она долго-долго глядела на меня, затем опустилась на одно колено, и, вздернув подбородок, приставила острый край ножа себе к горлу.

— Я больше не могу делать то, что делала. Лучше я лишусь своей жизни, чем отниму еще хотя бы одну невинную. Я перережу себе горло. Гляди же.

Мы смотрели друг другу в глаза.

Мальчик, чью кожу съедала болезнь, оказался для нее последней каплей.

Я опустилась рядом на землю и мягко отвела нож от ее горла.

— Я понимаю тебя, Руна. Не знаю, как Сигги удавалось нести Милосердие год за годом. Как она выносила это.

Руна, подавшись вперед, приблизила свое лицо к моему.

— Ты всерьез говорила тогда на постоялом дворе? О том, что нам следует отравиться за Зверем Голубого Ви?

Я открыла было рот, а затем закрыла его.

Неужели я и в самом деле думаю об этом?

Я почувствовала пальцы у себя на локте — то была Джунипер, коснувшаяся ладонями нас обеих.

— Когда люди испытывают боль, они нуждаются в нас. Мы им помогаем. Разве это плохо?

Джунипер, как всегда, думала не о себе, и даже не о нас, а о других.

Я поднялась на ноги, и Руна сделала то же. Я приложила раскрытую ладонь к сердцу, прося прощения.

– Сожалею, Руна, о том, что тебе пришлось сделать с больным мальчиком.

Руна глубоко выдохнула, и, похоже, ее напряжение немного ушло.

– Ради милосердия мы убивали детей и прежде. А все от того, что нам нужны были деньги. Нам всегда нужны деньги.

Это было правдой: нам всегда нужны были деньги, и так будет до тех пор, пока мы занимаемся ремеслом смерти.

Руна бросила нож на землю и резко вскинула голову.

– Я по-прежнему считаю, что нам следует отправиться в ближайший Бесконечный Лес, а там уж будь что будет.

Я улыбнулась.

– Мне нравится твоя целеустремленность, Руна. – Я подняла ее нож и протянула его ей рукойткой вперед.

– Но мне вовсе не улыбается окочуриться от голода среди снегов будущей зимы.

Руна долго смотрела на меня, а затем кивнула.

Трое из нас молча взглядывались в огонь. Вскоре из тени выскоцила Ови, ходившая проверять силки, и подсела ко мне. Тригв стоял один-одинешенек в стороне. Я жестом позвала его присоединиться к нам, но он покачал головой. Он не был одним из нас и отлично знал об этом.

Это могло бы все осложнить... Даже если бы я хотела, чтобы он остался... Даже если бы он хотел остаться. Этого было мало. По крайней мере пока мы заняты ремеслом смерти.

Моей щеки что-то коснулось. Я подняла взгляд. Пошел снег. Снежинки были легкими и прекрасными, но это был снег.

Зима.

Я взглянула на Руну, а затем на Ови и Джунипер. Глубоко вдохнула и закрыла глаза. Воздух пах можжевельником, сосновыми иглами и снегом.

Тригв учил меня технике двухлучевого мышления. Этот метод мышления был основан на мистике, и для овладения им требовались годы, но основы я уже постигла. Нужно было отправить разум одновременно по двум путям и следовать по ним до самого конца, пытаясь понять будущее.

Я вдыхала и выдыхала. Медленно. Очень медленно и размеренно.

Первая тропа была тропою Дарующих Милосердие, тропою ремесла смерти... Я знала, куда ведет эта дорога. К холоду, одиночеству, усталости и печали.

Но вторая тропа... Вторая изобиловала крутыми поворотами и неожиданными развиликами; глубокими тенями и вспышками ослепительного света. Тропа вела в неизвестность.

И она была великолепна.

Я открыла глаза. Положила руку на рукоять своего кинжала и взгляделась в лица Сестер Последнего Милосердия – в каждое лицо, одно за другим.

– Со дня смерти Сигги прошло чуть меньше года, и теперь все мы, ее ученицы, находимся на распутье. Сигги следовала Последнему Милосердию в течение сорока лет, но жизнь в Ворсленде в последнее время изменилась. Наверняка вы обратили внимание на то, что все Сестры Последнего Милосердия, которых мы встречали на нашем пути, старше нас. Молодые больше не следуют ремеслу смерти. Похоже, девочки-сироты в Ворсе отыскали новый путь. Так и нам следует найти новый путь. Сегодня ночью мы примем решение. Наше решение. Сначала каждый выскажет свое предложение, а затем мы проголосуем.

Последовала долгая пауза, и все это время на длинные волосы Сестер Последнего Милосердия непрерывно падали белые, отчаянно красивые снежинки.

– В Блаженный Дом я не отправлюсь. – Лицо Ови было совершенно спокойным, почти бесстрастным. – Скорее съем черный Снежный Изюм и умру в судорогах и с криками боли.

– Да, – согласилась я. – Лучше смерть, чем Блаженный Дом.

Ови вытянула правую руку ладонью вверх. На ее ладонь падал снег, и она сжала ладонь в кулак, превратив снег во влагу, которая просочилась сквозь ее пальцы.

– Думаю, нам следует двинуться на юг. Украдем где-нибудь по дороге золото и оплатим место на корабле. Конечно, это рискованно, но очень уж хочется туда попасть. Женщина в черных шелках говорила, что в Ибере лежат не снега, а песок, и что солнце там яркое, горячее, и что женщины там наполнены огнем. Хочу увидеть это место.

Я подняла палец.

– Ови голосует за юг. – Я подняла другой палец. – А я считаю, что нам следует сразить Зверя Голубого Ви и получить золото в награду, а не украсть. – Я повернула голову и встретилась взглядом с Джунипер. – А чего желаешь ты, Джунипер? Какую дорогу, по твоему мнению, нам следует выбрать?

Джунипер взглянула в ночное небо, и бледные, цвета зеленого океана кудри разметались по ее спине. Она воздела правую руку с поднятым большим пальцем, что на языке Морских Ведьм означало: *«подожди, дай мне подумать»*.

– Я прочитаю указанную молитву.

Она поднялась, отошла на несколько футов от костра и опустилась на колени. Закрыла глаза. Беззвучно зашевелила губами.

Я взглянула на Тригва, сидевшего у костра особняком от нас. Права голоса он не имел.

Руна, сидевшая рядом со мной, схватила себя за косу. Выхватила свой кинжал и приставила лезвие к основанию косы.

– Квиксы непременно примут нас. Иначе и быть не может. Я прямо сейчас отрежу волосы. Мы все отрежем волосы, сожжем плащи, подадимся в лес и там присоединимся к первой же группе Квиксов, которую встретим. Сестер Последнего Милосердия они в нас не узнают и, возможно, примут нас как мальчиков-сирот, у которых нет ни дома, ни семьи, ни забот. Мы никогда не скажем им, кто мы и кем были. Я готова, скажи лишь слово…

Я схватила Руну за запястье и второй раз за эту ночь остановила ее клинок.

– Не выйдет. Даже переодевшись пацанами, нам не удастся морочить им голову год за годом. Возможно, Джунипер достаточно юна, чтобы без особого труда скрыть свою сущность, но остальным точно придется несладко.

– Особенно не сладко придется некоторым из нас. – Ови, глядя прямо мне в глаза, едва заметно улыбнулась.

То было истинной правдой. Руна была статной, высокой, Ови приземистой, но худой, мои же округлые формы были видны с любой стороны.

Руна скосила глаза на мою грудь и нахмурила брови.

– Мы можем податься в Бурлящий лес, и там наверняка отыщем дружелюбную группу, с которой встречались прошлой зимой, и они примут нас…

– Нет. – Ови покачала головой, и в ее светлых волосах затрепетали отблески пламени. – Не получится. Квиксы не принимают женщин. – Она помолчала, затем продолжила: – Моя мать в молодости присоединилась к группе Квиксов. Она была тогда быстрой, двигалась бесшумно, отлично владела луком. Ее приняли, полагая, что хоть она и женщина, но одевшись мужчиной, будет вести себя, как мужчина.

Ови опять замолчала.

– Так и что же случилось? – спросила я, так и не дождавшись продолжения.

Она взглянула на меня, и я увидела в ее глазах печаль.

– Моя мать prodергалась среди Квиксов три года. У нее случилась любовь с лучником-мужчиной. И все бы ничего, но у матери кончился запас Масла Дикой Моркови, и она забеременела. Квиксы избавились от нее быстрее, чем приняли к себе. До самой смерти она считала те годы лучшими в ее жизни и грезила о возвращении в лес.

Я с удивлением взорвалась на Ови. Она вообще редко говорила, а так долго – никогда на моей памяти.

Джунипер, закончив молитву, поднялась. Я, ожидая ее решения, вытащила флягу с вайтом, отхлебнула сама и пустила флягу по кругу.

Очередь дошла до Морской Ведьмы, и та, сделав глубокий глоток, взглянула на меня.

– Ярлу Роту нужны герои, значит, мы пойдем на запад.

Руна едва слышно выругалась.

Ови кивнула.

Я улыбнулась.

Герои в сагах, как известно, скрепляли обещание кровью, так что я взяла нож и провела лезвием по раскрытой ладони, из неглубокой раны появилась кровь.

– Четверо из нас отправятся в Голубой Ви и сразятся с чудовищем, – заявила я. – Если мы уцелеем, то будем награждены золотом, которое затем разделим, и каждая отправится туда, куда ей угодно. Клянусь, что именно так и будет. Клянусь погребальным костром Сигги.

Я сжала ладонь, и между моих пальцев просочилась кровь, как между пальцев Ови совсем недавно сочилась вода.

* * *

Этой ночью Тригв и я допоздна засиделись у костра. Мы негромко разговаривали, остальные уже спали. Такое случалось частенько за те семь месяцев, как он примкнул к нам.

– Так мы отправляемся на запад. – Тригв коснулся уголка моего черного плаща.

– Именно.

Тригв накинул свою меховую накидку нам обоим на плечи. Мы сидели бедро к бедру, рука к руке, рядом с угасающим огнем. Он был с нами меньше года, но я знала его тело будто собственное.

Я оглядела поля вокруг. Снегопад закончился, и ярко сияла луна. Ночь была уже не черной, а ярко-голубой. Еще несколько теплых недель, а затем снег возьмет свое.

Я подставила раскрытые ладони огню, и вдруг поняла, какой сегодня день. Я взглянула на Тригва.

– Завтра мне исполнится семнадцать. В этом возрасте моя мать родила меня. – Я ненадолго замолчала. – От того-то, видимо, мой голос звучит сейчас подобно ее голосу.

– Ты родилась осенью?

– Да, в ночь, когда в нашей деревне был праздник Львиной Звезды.

Взгляд Тригва стал задумчивым, как было всегда, когда он думал о книгах и старинных преданиях.

– Многие древние саги повествуют о львах – огромных зверях из далеких стран.

Я кивнула.

– Сигги, бывало, говорила, что я дитя льва и львиный рык у меня в крови.

Тригв улыбнулся.

– Твоя наставница была права.

Он принялся расплетать мою тяжелую серебряную косу. Так он делал теперь каждую ночь – говорил, что ему нравится видеть, как мои волосы колышет ветер.

– Тригв?

– Да?

– Ты собираешься покинуть нас перед наступлением зимы? Предпочтишь сытую жизнь в одной из деревушек Ворса, жизнь в тепле под крышей? Ведь грядут долгие холодные ночи. – Я сделала паузу. – Если хочешь этого, не тяни, скажи прямо сейчас.

Тригв, не отвечая, уставился на пламенеющие угли.

Каждое утро я ожидала, что Тригв, проснувшись, повернется ко мне и скажет, что уходит. Мужчинам негоже путешествовать с Сестрами Последнего Милосердия. Им неуютно с нами, им не нравится, как мы убиваем – быстро и тихо, за несколько монет, и нет в этих убийствах ни славы, ни борьбы. Но недели проходили за неделями, а Тригв оставался с нами. И ни разу не заикнулся о том, что хочет уйти.

– Ты вновь зажгла в нем искру жизни, – сказала мне Джунипер вскоре после того, как Тригв присоединился к нам. – И это замечательно, что он с нами. Ветер нашептал мне историю о трех девушках и черноволосом парне.

Угли, отдавая тепло, с треском превращались в золу.

Я прижалась плечом к Тригву; его зеленые глаза взглянули на меня.

– Ты хочешь, чтобы я ушел, Фрей?

– Нет, – произнесла я быстро. – Не хочу. Но мужчины не путешествуют с Сестрами Последнего Милосердия. А если и путешествуют, то недолго. Дарующие Милосердие иногда обзаводятся любовниками на время... но лишь на время. Остальные девушки ничего не говорят о том, что ты следишь за нами, но длиться так вечно не может. Я это точно знаю.

Голос мой прозвучал громко, и Джунипер зашевелилась во сне, а Ови открыла свой единственный голубой глаз. Она взглянула на Тригва, на меня, а затем закрыла глаз.

Тригв глубоко вздохнул и медленно выдохнул. Провел ладонью от моей шеи до затылка снизу вверх, приподнимая мне волосы от корней. И вдруг спросил:

– А помнишь тот день прошлой зимой, когда ты нашла меня в сугробе?

Пять

Впервые я увидела Тригва Лоута на окраине мертвой деревни, где он сидел в сугробе рядом с дохлой лошадью.

Каждый год то один городишко, то другой посещала снежная лихорадка, убивая людей и животных. Этой болезни непременно предшествовал обильный снегопад, и лишь немногие оставались в живых после ее ухода.

Люди шептали, что снежную лихорадку наводят на них Морские Ведьмы, но сделать ничего не могли, и все заканчивалось разговорами. В других местах они бы сожгли Ведьм, но не в Ворсленде.

Мы направлялись к городу Краген, поскольку служанка из постоянного двора на скрещении дорог рассказала нам о старом богатом вдовце, который несколько лет назад женился на молодой красивой девушке. Теперь он тяжело болел уже не первый месяц. Мы собирались представиться прекрасной невесте и посмотреть, заглотит ли она наживку. Клиентов мы обычно сами не разыскивали, но зима выдалась особенно долгая и прибрала к рукам многих из тех, кто нуждался бы в нашей помощи.

Снег шел всю ночь, и мы продрогли до костей. Хотели передохнуть в таверне: наполнить желудки и отогреться. Мы уже почти подошли к городку, когда Ови обронила:

– Что-то здесь не так.

Я кивнула.

– Слишком уж здесь тихо. Слишком спокойно.

Я замедлила шаг, остальные последовали моему примеру.

Но как мы ни меддили, вскоре достигли низкой каменной стены, окружающей хижины, и все четверо, не сговариваясь, остановились, оглядывая сугробы и гадая, куда направиться дальше.

Доррит была обычным городком: около дюжины хижин с крытыми соломой, изогнутыми крышами. Единственными пятнами цвета здесь были круглые деревянные щиты, служившие напоминанием о мертвых; такие щиты прибивают к стенам домов во всем Ворсе, и эти щиты были красными, голубыми, белыми, зелеными, черными.

Снегопад прекратился, а значит, снежная лихорадка ушла прочь. Но мы стояли в нерешительности, выискивая глазами в деревушке малейшие признаки жизни. И замечая мертвые тела.

У высокой простенькой статуи бога битв, Нора, скорчившись, на земле лежал юноша.

Пожилая женщина с замерзшим младенцем в руках притулилась в снегу у ствола можжевелового дерева.

Девушка у колодца свернулась в позе эмбриона. Снег, освещенный низким утренним солнцем, слепил, и вначале я приняла ее за тень, но затем солнце спряталось за облаком, и я явственно разглядела ее. В глаза бросились ее ярко-рыжие волосы на свежем белом сугробе.

Морская Ведьма коснулась кончиками пальцев губ, а затем произнесла:

– Пусть их путешествие в Холхаллу будет быстрым.

Тишину нарушил протяжный собачий вой, и я поневоле вздрогнула.

Руна повернулась и взглянула через плечо на меня.

– Нам везет, Фрей.

Это значило, что она намеревается обшарить дома в поисках пищи и монет. Пустые, молчаливые дома, в которых умерли все жители.

Я уже давно зарабатывала на жизнь смертью, но сейчас не имела ни малейшего желания прохаживаться среди мертвых, посиневших от мороза тел, видеть застывшую на их лицах муку.

Кроме того, забрать все ценное из опустевших домов имели право только монахини Готи – после того, как сожгут тела жителей. Так было заведено испокон веков.

Руна, приложив открытую ладонь ко лбу, осмотрела горизонт.

– Много времени это не займет. Уверена, закончу до полудня.

Я открыла было рот, чтобы возразить…

И уловила движение на белом снегу справа.

То был юноша у перевернутого фургона, привалившийся спиной к мертвый иберской лошади. И он был жив.

Только что было совершенно тихо, безветренно, стояла полная тишина, и вдруг среди деревьев, теребя сосновые иголки, пронесся ветер. Джунипер рядом громко вдохнула – известно было, что согласно верованиям Морских Ведьм, это было знаком, что за нами наблюдают боги.

Я подошла к юноше и села рядом. Он был совсем юн, примерно моего возраста. У него были длинные, зачесанные назад черные волосы, кончики его пальцев посинели, очевидно, от мороза.

– Ты жив, – сказал я.

– Да, – согласился он, не глядя на меня.

– Я – Фрей. – Я стянула толстую шерстяную перчатку с правой руки и приложила голую ладонь к его щеке. Щека была холодна, точно лед.

– Меня зовут Тригв Лоут.

Теперь он взглянул на меня, и глаза его были зелеными – такими же зелеными и блестящими, как незрелые ягоды можжевельника, которые долго перекатываешь по ладоням. Вид Сестер Последнего Милосердия его не беспокоил, как и мои прикосновения.

Я поднялась на ноги, встал и он – медленно, очевидно, из-за замерзших мышц.

С его одежды свалились комья снега. Возобновляя циркуляцию крови, он похлопывал себя руками по бедрам, время от времени поглядывая на остальных Сестер Последнего Милосердия.

– Куда вы направляетесь? – наконец спросил он.

– Куда глаза глядят, – ответила я.

– Можно мне с вами?

Спросить остальных сестер я и не подумала, поскольку их ответы мне были известны наперед: Руна бы сказала: «Нет», Джунипер сказала бы: «Да», а Ови промолчала бы.

– Можно, – ответила я за всех.

Он кивнул, а затем обошел фургон. С силой дернул на себя дверцу. Дверца распахнулась, разметав вокруг снег. Положив ладони на колени, я пригнулась и заглянула внутрь. Увидела там бархатные подушки и резные деревянные панели. А еще там, скорчившись, лежал мужчина в красном плаще, и лицо его было искалено мукой.

Тригв, опустившись на колени, заполз в фургон. Вскоре вернулся с кожаной сумкой и здоровенной волчьей шкурой в руках. Он повесил сумку через плечо, через другое перекинул шкуру.

– Пошли, – сказал он. – Здесь мне делать больше нечего.

Милю Тригв шел за нами через покрытые снегом луга, на которых сидели вороны, к опушке Бурлящего леса. Затем еще милю. Дорога то ныряла в овраг, то снова выводила на возвышенность, и тогда перед нами вставал темно-зеленым океаном северный ельник.

Мы подошли к большому бревенчатому дому, в котором, судя по всему, и жили юная жена и ее богатый, хворый супруг. Я постучалась. Тригв ничего не сказал. Дверь открыла юная хозяйка. Тригв не промолвил ни слова, когда юная хозяйка, оглядев наши черные плащи Дарующих Милосердие, вздрогнула. Ничего не сказал он, и когда она провела нас через зал мимо слуг, выпучивших глаза. Поднявшись по лестнице, мы оказались в спальне, у постели ее мужа.

Как нам и сказала девушка на постоялом дворе, юная жена была очень красива – мягкие изгибы тела, крупные карие глаза, полные щеки, блестящие каштановые волосы. Она положила руку на плечо своему престарелому мужу, и тот открыл глаза.

Лицо мужчины, хоть и было искалено болью, все же хранило былую красоту – густая борода, темные глаза. Супруги долго глядели друг на друга, и я поняла, что они искренне любят друг друга, и нам предстоит совершить истинное убийство милосердия.

– Яд, – прошептала молодая жена.

Из кожаного мешочка на пояске я извлекла пузырек с голубой жидкостью. Молодая жена кивнула. Голубое Семя мы использовали редко, поскольку оно было не дешево, а сталь Ови обходилась нам бесплатно.

Ови, поняв, что здесь она не понадобится, повернулась и без слов покинула спальню. Руна отошла в темный угол, где прислонилась к стене спиной и приготовилась наблюдать. Джунипер же приблизилась к молодой хозяйке дома, взяла ее за руку и, приподнявшись на цыпочки, зашептала ей в ухо молитвы.

К постели подошел Тригв и, просунув руку мужчине за спину, помог ему сесть, а затем кивнул мне, как будто проделывал подобное уже множество раз.

Мужчина вытянул иссохшую руку и принял у меня пузырек. Запрокинув голову и закрыв глаза, выпил одним глотком. Его решительность дала мне понять, каким он некогда был. Я увидела битвы, в которых он сражался и побеждал. Увидела пиры у костров. Увидела нежные ночи под мехами и девушек с шелковистой кожей рядом с ним. Увидела, услышала, почувствовала смех и гнев, похоть и нежность, горе и славу.

Я ощутила именно такую жизнь, о какой мечтала я сама.

* * *

– Да, Тригв, – сказала я. – Я помню тот день в Доррите.

– Хочешь знать, как меня туда занесло?

Я кивнула.

– В эту историю вовлечена девушка.

– Да? И как ее имя?

– Лила.

Он замолчал, и я, выждав несколько секунд, его подбодрила:

– Давай же, продолжай.

Тригв посмотрел на меня.

– Ей было шестнадцать, когда ее родители утонули в Молчаливом море. Она забрала все монеты, накопленные ее родителями, и отправилась в странствия по островам. Она сделала подношение богине Обин и вступила в монастырь на острове Строт. Она усердно тренировалась, и, несомненно, принеся клятву, стала бы монахиней Готи, но на ее беду во время ритуала солнцестояния ярл Келж заприметил ее и спустя несколько месяцев выкупил ее жизнь. Прорицатель Готи, которому я был отдан в подмастерья, а звали его Ларс, был послан с девушкой в храм, где ее на рассвете должны были принести в дар богу Форсету. Я отправился вместе с прорицателем как его слуга.

– Ненавижу эти жертвоприношения Готи, – воскликнула я.

Джунипер зашевелилась во сне. Тригв вздохнул.

– Я тоже. Лила для ярлов и служителей культа была всего лишь пешкой, и жизнь ее стоила меньше молитвы. Молитвы, произнесенной в неурочное время.

– Что же случилось дальше? – спросила я, уже зная, что конец истории счастливым не будет.

— Лила путешествовала с нами в течении семи дней, и мы с ней сблизились. Она была пылкой, яркой, полной жизни. — Тригв сделал паузу. — Ларс по пути обменивал свои предсказания на товары, и однажды фермер заплатил ему бутылью домашнего яблочного вайта. Той ночью Ларс напился пьяным. Он вообще был не дурак выпить. Мы с Лилой оставили его спать, а сами отправились в деревню.

Тригв повернул голову к огню, и лицо его расчертли глубокие тени. Я подкинула в костер еще одно полено.

— Ночь мы провели в постели на постоялом дворе, Фрей.

Я невольно вскинула брови. Монахиня для жертвоприношений Готи должна быть девственной, а иначе бог отвергнет молитвы, и тогда жди несчастья. Об этом известно каждому.

— Когда мы вернулись в фургон, Ларс избил меня, но Лилу он бил еще сильнее. — Тригв придинулся ко мне и провел пальцами по моим серебряным волосам. — Она скорчилась между кроватью предсказателя и крошечным деревянным столом, и он бил ее ногами по ребрам. Я накинул ему на шею его кожаный ремень и стал душить. Фургон был маленьким, и Ларс не мог ни повернуться, ни оттолкнуть меня. Он опустился на колени, а я, навалившись, сдавил его шею что было сил и убил его. — Тригв опять сделал паузу. — Мы с Лилу отправились на постоялый двор и там принялись строить планы на будущее. Мы решили поехать на юг — я хотел изучать искусство целителей Орейта на острове Сантор, она же мечтала обзавестись маленькой фермой у океана. Ночью я проснулся. Лила лежала в моих руках вся мокрая от пота. То пришла снежная лихорадка и вскоре ушла, а Лила умерла. Я вынес ее тело и усадил возле тисового дерева. Мне казалось, там монахини Готи скорее отыщут ее. Затем я вернулся к фургону. Фургон был опрокинут, лошадь мертва.

— Мне очень жаль, Тригв, — сказала я, помня о том, что слова сострадания должны быть незамысловатыми.

Он потер рукой заросшую темной щетиной скулу.

— За убийство предсказателя полагается наказание — *вивисепультура*. Если бы меня схватили, сожгли бы живьем. Снежная лихорадка скрыла мое преступление, но бежать мне вовсе не хотелось. Я ничего тогда не чувствовал. Абсолютно ничего. Шли часы, а я не двигался. Понимал лишь, что замерзаю, и скоро за мной явится смерть.

— Так почему же ты остался там, среди мертвых?

— Сам не знаю. Не было ни желания, ни воли совершил выбор, подняться, уйти.

Женщина в черных шелках была охвачена той же летаргией. Джунипер, помнится, называла таких людей замерзшими живьем и говорила, что искра их жизни так глубоко погребена под снегом, что не в силах оттуда вырваться.

— Ты возродила меня, — сказал Тригв. — Вокруг не было ничего... и вдруг — ты.

Обдумывая его историю, я подтолкнула ногой очередное полено в костер.

— Тригв?

— Да.

— Как ты думаешь, кто он, этот Зверь?

Он провел большим пальцем по давно засохшему пятну крови у меня на тунике.

— Возможно, это Великанский Волк, забредший с далекого севера. Возможно, он заболел тундрой заразой и взбесился. Такого не случалось уже сотни три лет, но все же такое возможно.

Я неторопливо обдумала его слова, а затем покачала головой.

— Все волки, даже бешеные, даже Великанские Волки, предсказуемы. Они всегда ведут себя одинаково. Этот же зверь иной. Он регулярно нападает на деревни Рота... Будто делает это из мести.

Дарующие Милосердие одолеют любое животное, каким бы большим или бешеным оно бы ни было, но здесь иное. Он мстит, а мстить может лишь одно существо... Человек.

Я повернулась к Тригву и коснулась его руки.

– Если мы умрем в Голубом Ви, это будет достойная смерть – смерть воинов. Каждый воин в Ворсе мечтает умереть с оружием в руках, и я тоже.

Тригв кивнул.

Этой ночью мы спали, переплелись телами, а Джунипер и Ови довольствовались обществом друг друга.

* * *

Проснулась я на рассвете. Прошептала имя Тригва. Его веки дрогнули, но он глаз он не открыл. Ови пахла снегом, а Тригв пах прямыми травами. Я вдохнула, медленно выдохнула, затем зевнула и принялась разглядывать оранжево-розовые небеса.

Мне было семнадцать. Я не желала умирать той смертью, какой умерли мои родители. Или Лила.

Мне хотелось испытать свои силы, хотелось стать великой.

Мне хотелось *славы*.

Хотелось коснуться ее. Попробовать на вкус.

Я отправлюсь в Голубой Ви и сражусь со Зверем. Весьма вероятно, я, как и мои предшественники, погибну там, но это будет шаг к свету. Мое имя не исчезнет во времени, как исчезли имена всех Дарующих Милосердие, которые были прежде меня, всех Сестер Последнего Милосердия, сгинувших за бесчисленные годы со временем Войн Ведьм. Меня запомнят.

Шесть

Утро моего семнадцатилетия выдалось ясным и холодным. Яркое солнце быстро растопило выпавший за ночь снег.

Тригв отправился в лес – он хотел ко дню моего рождения найти хотя бы пригоршню ежевики, оставшейся с лета. Я уселась на коричнево-серый ствол упавшего дерева рядом с костром и взгляделась в небо. Я выискивала ведьмовские знаки, которым учила меня Джунипер, – предостережение грядущих опасностей, уже наметившихся на горизонте, но не увидела ни облаков неопределенной формы, ни вставшей вдруг на крыло стаи воронов, ни тумана, зловеще мерцающего среди деревьев. Неожиданных, жутких порывов ветра я не чувствовала.

Джунипер налила в нашу общую деревянную кружку дымящийся чай, заваренный на жареном цикории. Протянула кружку мне. Я отпила: успокаивающий отвар мягко скользнул по горлу, и я улыбнулась.

Рядом со мной на бревне, касаясь меня коленом, сидела Ови. Я протянула кружку ей, и она благодарно кивнула.

Даже Руна сегодняшним утром казалась почти безмятежной. Она воздела длинные руки к небу и произнесла:

– Я счастлива этим утром быть живой. Не припомню даже, когда последний раз чувствовала такое.

Ови глянула на Руну и улыбнулась. Улыбалась она крайне редко, и всякий раз мое сердце принималось биться чаще.

Ови строго придерживалась старых обычая Ворса. Стоик и философ, она безоговорочно чтила саги, и я ее за это ценила.

Над головой каркнул ворон. Я, прикрыв от солнца глаза ладонью, взглянула вверх. Ворон сидел на верхней ветке высоченной сосны.

– Воронам везет – летают куда их душе угодно, – словно прочитав мои мысли, произнесла Джунипер. Она взяла у Ови кружку, обхватила ее своими маленькими ладошками и посмотрела на меня.

– Вороны – вестники мертвых, – заявила Руна, и ее голос прозвучал с привычной резкостью.

Джунипер склонила голову, и на ее лице появилось выражение тоски.

– Фрей, по пути к Голубому Ви мы пройдем совсем рядом с Мерроу. Там, вероятно, мы получим благословение Морских Ведьм.

Я встала и обняла Джунипер.

– Да, на ночь мы непременно остановимся в Мерроу. Кроме того, ведьмы могут помочь нам – расскажут побольше о Звере и о том, как его убить.

Руна взглянула на меня и обронила:

– Нам нужно добраться до Голубого Ви до первого зимнего шторма. Иначе, пересекая Болото Красных ив, тропу мы будем выискивать под снегом.

– Уверена, успеем. Да и в любом случае, если мы разузнаем у Морских Ведьм о звере, то задержка будет того стоить.

– А еще мы рискуем наткнуться на тайную тростниковую деревню Королевы-Затворницы. Тогда уж нас начнут обращать в свою веру, и нам не миновать пыток.

Я подняла перед собой открытую ладонь.

– Насколько нам известно, последователи Королевы-Затворницы уже подняли мяtek и утопили ее в ее собственном болоте. И не страшай нас, Руна, понапрасну. Хотя бы в такое прекрасное утро.

Я повернулась к Ови, по-прежнему сидевшей на еловом стволе – ноги в высокой траве, локти на коленях.

– Чего молчишь? Как и Руна, опасаешься Королевы-Затворницы?

Ови провела пальцами по рукояти ножа, висевшему на ремне у нее под мышкой.

– Опасаюсь. Но все, что нас не убивает, делает нас сильнее. – Она встала и положила руку Руне на плечо. – Если мы не сгинем в болоте, то достигнем границы Голубого Ви, а с наступлением зимы будем пировать в зале местного ярла. Сосредоточься на этой мысли, Руна, если тобою вдруг овладеет страх.

Через плечо Руны я углядела Тригва и кивнула ему. Он кивнул в ответ, и в его зеленых глазах отразилось солнце. Он положил горсть ягод чернильного цвета на бревно и подошел ко мне, и впятером мы образовали полукруг перед камнем-троллем, и я стояла в центре полу-круга.

– Сегодня отправляемся на поиски Зверя Голубого Ви. – Я прижала кулак к сердцу и возвысила голос. – И пусть боги станут свидетелями того, что мы сделаем с настоящим врагом – врагом, который не стар, не убит горем и не болен. Мы одержим победу, потому что это нам по плечу. Мы сделаем то, что никому не удалось.

– Прыжок веры. – Джунипер подняла лицо к утреннему небу. – И пусть боги будут к нам благосклонны.

Она нараспев прочитала короткую молитву, прославляющую землю, воздух, воду и огонь. Потом сунула руку в карман и достала короткий кинжал. Вытянула левую руку ладонью вверх и, повторяя мои действия прошлой ночью, сделала неглубокий разрез.

– Дай мне руку, Фрей. – Я так и сделала, и она вскрыла мою еще не зажившую рану и прижала свою окровавленную ладонь к моей. – Дело сделано.

Руна взяла нож иолоснула по своей ладони. Потом так же поступила Ови, и каждая прижала свою руку к моей.

– Прыжок веры, – воскликнула Руна.

– Прыжок веры, – повторила Ови.

Тригв был последним. Я протянула ему клинок Джунипер. Он надрезал себя кожу, прижал свою теплую ладонь к моей и произнес:

– Прыжок веры, Фрей.

* * *

Мы ехали на запад под ярким небом, которое, казалось, простирается до самой Холхаллы. Голубой Ви находился в доброй сотне миль от Хейла, в Цветущей долине, что лежала между Молчаливым морем и Скальскими горами. Путешествие займет несколько недель, и если погода будет благоволить нам, то к Голубому Ви мы доберемся до начала сильных снегопадов.

Мое сердце жаждало перемен. У каждого отряда милосердия была закрепленная за ним территория, и мы кружили и кружили по нашей земле, обычно дважды в год посещая каждую деревню, а теперь мне не терпелось встретиться с Морскими Ведьмами, увидеть Пески Мерроу, взглянуть на знаменитые хижины ведьм, построенные на ветвях Опаленных Деревьев.

Но вот пересекать Болота Красных Ив мне вовсе не хотелось. Болота всегда были местом опасным, и в деревенских постоянных дворах у их границ местные рассказывали ужасающие истории.

Говорили, что люди исчезают в трясине за мгновение, а средь белых камышей там скользят нефритово-зеленые болотные гадюки, и укусы их болезненны, а то и смертельны. Но за последние годы среди камышей выросла деревушка, в которой, как говорили, жили только девушки, и возглавляла их женщина по прозвищу Королева-Затворница.

Смеющиеся, свободно болтающие люди в тавернах замолкали, заслышав ее имя, и даже закаленные в боях воины избегали произносить его, называя ее «женщиной в камышах».

Я надеялась, что мы незамеченными проскользнем через ее владения ночью.

Меж тем мы шли по холмам, раздвигая густую, как в конце лета, траву, шли мимо деревень и ферм, и за весь день встретили лишь молоденького темноглазого пастушка, который, взглянув на мой плащ Сестры Последнего Милосердия, вдруг мило улыбнулся.

Джунипер нашла у ручья последнюю в этом году бруснику, и мы съели ее на ужин вместе с толстым треугольником твердого орехового сыра.

В ту первую ночь нашего путешествия мы разбили лагерь у узкого, быстрого ручья, и радость излучала каждая из нас, даже Руна.

После ужина я вымыла волосы всем – Джунипер, Ови, Тригву и Руне. Некоторые Дарующие Милосердие не особо заботятся о своей внешности и со временем становятся грязными и оборванными, и это – их право, мы же все часто моемся – в снегу или, что много приятнее, в ручье. Тригв, в отличие от нас, смерти не приносил, но знал основы лечебного дела и уверял, что чистота тела сохраняет жизнь. Руна частенько ворчала по этому поводу, сетуя, что мыться часто – пустая трата времени, но Руна ворчала по любому поводу, и ворчание ее было таким же привычным, как восход солнца по утрам.

Последней голову я вымыла себе, и Тригв тут же захотел помочь мне причесаться. Я ему это позволила, и едва он провел пальцами по моим волосам, как плечи мои поникли, а сердце замерло.

Позже я сидела у огня, высушивая перед сном волосы. Ко мне подсела Джунипер.

– Протяни руку, Фрей.

Я так и сделала, и она что-то сунула мне в ладонь. Это был маленький зеленый флакончик. Я откупорила пробку и понюхала.

– Джунипер. – Я вновь вздохнула, на этот раз уже полной грудью. – Где ты это взяла?

Джунипер улыбнулась своей колдовской улыбкой, и в ее серых глазах заплясали озорные огоньки.

– Украла из парфюмерного магазина в Хейле. С днем рождения тебя, Фрей.

За спиной у меня прозвучал смех Тригва. Его забавляли ловкие пальцы Джунипер и ее бесстыдное воровство.

– Надеюсь, ты была осторожна. – Я смочила духами кончик указательного пальца и прошла им по своему предплечью. В воздухе разлился экзотический цветочный аромат. – Я беспокоюсь о тебе, Джунипер. Ведь если тебя поймают, ты лишишься пальца.

– Не беспокойся, меня не поймают. – Джунипер погладила ладонью свои высыхающие кудри. – Я не краду того, чего вскорости хватятся.

Руна, не сводя с меня глаз, опустилась на колени рядом со мной и Джунипер.

– У меня тоже есть для тебя подарок. Возьмешь его или нет, мне все равно.

Подарок я взяла. Это был изящный плетеный кожаный ремешок для волос. Я наклонилась вперед и обняла обеих девушек. Джунипер немедленно прижалась к моему боку, Руна же поначалу напряглась, но через мгновение расслабилась.

– И я тоже принесла тебе подарок.

Из темноты появилась Ови, вернувшаяся после проверки ловушек. В руке она держала мертвого кролика.

Я улыбнулась.

– Мясо для завтрашнего рагу?

– Нет. Кое-что получше. – Ови вытащила из кармана пять красных грибков с белыми пятнышками. На устах ее блуждала улыбка, а голубые глаза мерцали. – Лукавые Варварские Грибы. Нашла их в лесочке неподалеку. Как насчет того, чтобы всем вместе отпраздновать твой день рождения и долгожданное расставание с ремеслом смертью?

Лукавые Варварские Грибы в Ворсленде встречались крайне редко, но были хорошо известны, потому что упоминались во многих наших историях, связанных с магией.

Если съесть много грибов, они действовали как яд, очень похожий на Голубое Семя. В поэме «Мать в лихорадке» злая женщина по имени Эльза убила двенадцать своих детей, накормив их супом из Лукавых Варварских Грибов.

Но грибы приносили галлюцинации. Герой «Песни Крови» съел такой гриб перед битвой и победил всех своих врагов во сне. И юный провидец в «Сумеркам приходит конец» съел Лукавого Варвара и поведал своему народу пророчество о войне.

Но больше всего гриб был прославлен старинной песней под названием «Ведьма в полете». В песне говорится, что Гриб дал Морским Ведьмам желанные крылья.

Я взяла у Ови самый большой гриб, а Джунипер принялась немедленно нашептывать:

*Вкусив Лукавства красно-белого,
И крыльями как смоль обзаведясь,
Пронзили Ведьмы небо синее,
Людшинкам сирым оставил грязь...*

Последнюю строчку мы произнесли уже в унисон.

Я провела большим пальцем по шляпке гриба, обводя белые пятна.

– Может, съедим эти грибки, а потом потанцуем под осенней Луной, взывая к удаче?

Ови сунула гриб в рот. Руна положила в рот другой. Тригв, выбрав на ладони Ови самый маленький, взял его, подмигнул мне и принялся жевать. Я последовала его примеру. На вкус гриб был горьковато-сладким, с привкусом ореха.

Джунипер оказалась последней. Она засмеялась и взяла у Ови пятый гриб.

– Давайте полетаем, сестры.

* * *

Ничего не происходило, а время тянулось медленно, как облака, скользящие по Луне.

Мы все, и даже Руна, сгрудились перед огнем.

Я чувствовала себя вялой... ленивой и усталой, но не сонной. Я чувствовала запах ближайшего ручья – чистый запах земли, камня и воды в воздухе. Я повернула голову и зарылась лицом в кудри Джунипер. Голова Ови лежала у меня на коленях, а у нее на коленях лежала голова Руны, а Тригв устроился на боку среди всех нас. Я коснулась кожаной повязки на глазу Ови. Затем расплела одну за другой ее косы, и ее голубые волосы рассыпались по моим ногам.

Джунипер что-то прошептала, а Руна смотрела на звезды.

Кончики моих пальцев начало покалывать. Покалывание, усилившись, устремилось по рукам вверх, затем по туловищу вниз, а оттуда – по ногам дальше вниз, к ступням. Ощущение было приятным, естественным, точно отогреваешься, придя к костру с холода, или не торопясь ешь после нескольких дней голодухи.

Я неспешно отделилась от девочек. Руки и ноги мои словно не принадлежали мне. Я поднялась на ноги. Сначала никто за мной не последовал. Затем чьи-то пальцы впились в мои пальцы, и меня мягко потянули, и вскоре мы все, взявшись за руки, встали вокруг костра.

Я подняла глаза, и ночное небо растаяло, упало мне на лицо, как мягкий черный плащ, плащ милосердия, края которого трепетали, словно шелковое платье иберской женщины.

Мы начали двигаться вокруг огня, и наши длинные волосы струились по спинам. Джунипер декламировала, Руна шептала, Тригв хрипло и тихо пел одну из старых песен. На своей щеке я чувствовала дыхание Ови, хотя ее губы были сжаты.

Вскоре наши ноги оторвались от земли, и это было так же знакомо и безопасно, как сон. Я выгнулась грудью вперед и запрокинула голову. Вверх и вверх.

Мое сердце ударилось о Луну.

Тригв сжал мою руку. Я почувствовала прикосновение его ноги к моей, а мой локоть оказался на его бедре, его длинные волосы, развевающиеся на ветру, спутались с моими. Мы поднимались все выше и выше.

Я закрыла глаза, подняла руки и закричала.

То не был крик страха.

То был крик *крови*. Крик, исходящий от кожи, плоти и костей. Я почувствовала в ладони скользкий от пота клинок. Пахло солью, сосновой смолой и смертью. Я посмотрел вниз. Уви-дела там, у своих ног пропитанную кровью траву и трупы...

Я снова закричала и почувствовала, как меня ножом разрезает чернота неба.

Джунипер тоже теперь кричала:

— *Нанте, нанте.*

То было слово Морских Ведьм, отгоняющее прочь тьму.

И снова:

— *Нанте, нанте, нанте!*

И Звезды. Нашему воплю вторили тысячи лучезарных звезд.

А затем вдруг...

Тишина.

Скользя по ночному небу, словно серебристые Луны, мы тонули. За нашим скольжением наблюдали сотни мерцающих маленьких глаз — звезды.

А мы скользили. Скользили.

Все вниз.

Вниз, вниз.

Мы упали обратно, к костру. В кучу рук и ног, прядей волос, костей и лоскутов кожи. Все сплелось вместе. Сплелось в гоблен Милосердия.

— *Нанте, —* вновь прошептала Джунипер.

А мы погрузились в сон.

— *Нанте.*

Семь

– И как долго она, по-твоему, здесь висит?

Прикрыв рукой глаза от солнца, я посмотрела на верхушку толстенного сухого дерева. Справа от меня, прямой, точно столб, замер мрачный Тригв.

– Дня два, а может, и все три.

Я вынула кинжал из ножен на голени.

– Так снимем же ее.

Из-под кожаных ремней, опоясывающих грудь, нож вытащила и Ови.

– Не против, если это сделаю я? Ведь по деревьям я лазаю лучше всех.

Дело происходило на перекрестке дорог в миле от городишко Левин. Деревьями-виселицами в Ворсленде никого не удивишь, и это дерево было одним из них. Молодое поколение ярлов для решения разногласий предпочитает голые бои или же, на худой конец, не столь зрелищные судебные бои, однако большинство предводителей постарше придерживаются традиций и по-прежнему прибегают к повешению.

Повешенная была светловолосой, одетой в незатейливую синюю тунику, а ее совсем юный возраст выдавала безупречная кожа босых стоп.

Джунипер сунула руку в один из своих многочисленных карманов, извлекла оттуда кусочек дерева и пробормотала:

– Помолюсь за нее.

У нее в руках была дощечка из Пепельного Сердца – загадочного дерева, растущего только в Ибере. Морские Ведьмы верили, что оно при надлежащем использовании выгоняет демонов из мертвцевов. Руна бросила Джунипер коробок с огнivом, и Морская Ведьма принялась склонисто разжигать ладан. Он занялся, и ноги повешенной окутали клубы дыма.

Ко мне повернулась Ови и положила мне на плечи руки. Затем одной ногой вскочила на мои ладони, сложенные лодочкой, и я ее подбросила. Руками она обвила серый ствол и, слегка раскачиваясь, стала карабкаться вверх. Оказавшись на нужной ветке, она улеглась на нее и полоснула ножом по петле.

Мы с Руной поймали тело бедняжки и осторожно опустили его на землю. Джунипер встала на колени рядом и принялась окуривать тело ладаном.

– Фрей, – прозвучал у моего уха встревоженный голос Тригва. – Как поступим с покойницей? Ведь в петле ее оставили неспроста, и рано или поздно они непременно вернутся.

– Знаю. – Я выпрямилась и, прищурившись от яркого света, оглядела дороги, ведущие к перекрестку. – Сжечь ее тело мы не сможем – дым будет виден издалека.

Ови сняла полосу ткани с шеи девушки и указала на клеймо в форме небольшого круга с двумя линиями, наискось пересекающими его. Таким знаком клеймили только совершивших тяжкие преступления – клятвоотступников, воров, поджигателей и убийц.

– Понятно, почему ее казнили, – послышался из-за клубов дыма голос Джунипер.

– Поди узнай теперь, почему именно. – Я вздохнула. – И почему оставили здесь висеть.

– Поспеши же, Фрей, – произнес Тригв, не отрывая взгляда от ведущей в Левин главной дороги. – Необходимо срочно принимать решение.

И тут послышался топот копыт по утрамбованной земле.

Всадниками могли быть только люди из знати.

Лохматые ворслендские лошаденки были быстрыми, но низкорослыми и выдерживали лишь вес ребенка, а на грациозных и рослых лошадях из Ибера верхом ездили только самые богатые жители Ворсленда – ярлы, да еще, возможно, предсказатели. Ну, и, конечно же, воины ярла.

– Всадники уже близко, – прошептала Джунипер. – Быстрее же!

Моего плеча коснулась Руна, и я обернулась. Руна указала большим пальцем на деревянную табличку у едва приметной тропинки, проложенной между тисами.

– Если не ошибаюсь, то покойников хоронят именно там.

Листва и стебли лозы почти полностью скрывали слова, вырезанные на деревянной табличке, но я все же разглядела на ней лицо Зеленой Женщины – несомненный знак того, что неподалеку находится кладбище Элшей.

– Именно то, что нам сейчас и надо, Руна. – Я кивнула. – Давайте же поторопимся.

Руна наклонилась к мертвой девушке и просунула одну руку под ее шею, другую – под колени. Глубоко вдохнув, подхватила тело, быстро пристроила его у себя в руках поудобнее и устремилась к тропе, а затем дальше по ней, не обращая ни малейшего внимания на то, что волосы покойной метут землю. Мы немедленно последовали за Руной, и стволы и гибкие ветви тисов с осенними листьями сразу укрыли нас от взоров с дороги.

Вскоре за нашими спинами, не останавливаясь, проскакали мимо всадники, и у меня отлегло от сердца.

Через полмили заброшенная, заросшая тропка вывела нас под открытое небо и дальше запетляла по распаханному под пары полю, и облака отбрасывали на его борозды подвижные тени. Тишину нарушали лишь веселое щебетание пеночки-веснички да звук шагов Руны, медленных и тяжелых из-за ее печальной ноши.

* * *

Утром того дня мы все проснулись с головной болью, кроме Джунипер, которой уже доводилось есть Лукавые Варварские Грибы, когда она жила с ведьмами, и вместе с Тригвом она заварила для всех особый одуванчиковый чай, исцеляющий при отравлении.

Все утро Джунипер задумчиво рассматривала небо.

– Если пятерым является одно и то же видение, то в видении этом, несомненно, заключен особый смысл. С Морскими Ведьмами такое порой тоже случается. – Джунипер отхлебнула из кружки, и пальцы ее скользнули по горлу вниз, будто она подталкивала чай в его движении к желудку. – И хоть все видения и подобны волнам на море, Матушка Хаш непременно захочет поподробнее разузнать о том, что мы видели, – и о полетах, и о сражениях, и о крови. Ведь видение видению рознь – одни подобны зимнему шторму и сметают все на своем пути, другие лишь нежно ласкают прибрежный песок. Даже самое явственное общее видение-мечта – только первый шаг на тернистом пути к его воплощению в жизнь.

Руна рассмеялась.

– После пяти грибков на пятерых чего только не увидишь!

– Тише, Руна.

У меня и без ее смеха раскалывалась голова. Тригв подал мне кружку с чаем, и я ее немедленно опустошила.

– Тернистый путь не всегда плох. – Ови потерла ладонью место, где когда-то был глаз. – Кто знает, чему нам суждено научиться? Знания на плечи не давят.

* * *

Покой пустынного поля нарушали лишь жизнерадостные птичьи трели. Я оглянулась. Щеки Ови раскраснелись. Руна угрюмо шла, поднимая клубы пыли. Укрыться от солнца было негде, и жара, да еще и последствия прошлой ночи уже основательно измучили нас. Хоть чай и воскресил меня, тело болело, как после побоев.

Руна перекинула тело висельницы на другое плечо. По ее лицу градом катился пот. Тригв посмотрел на нее хмуро.

– Руна, давай я ее понесу.

Та покачала головой.

– Если женщину повесил мужчина, нести тело должна женщина. Я сама справлюсь.

Мы почти добрались до рощицы, и тут Руна сбилась с дыхания. Она была сильнее любого из нас, но даже для нее пройти полмили с мертвецом на плече было нелегко. Мы сбавили темп, но в конце концов все-таки добрали до кладбища. На мгновение замерли, не решаясь сделать первый шаг к незатейливым темным каменным надгробиям, тянувшимся рядами.

Никому из нас не доводилось прежде бывать на кладбищах, да и само существование подобных мест нам казалось неправильным, неестественным – под ногами всюду кости, а духи умерших, не в силах воспарить в Холхаллу, мучаются здесь.

В давние времена в этой лощине состоялось сражение. Ворсы бились с Зелеными Женщинами, прибывшими из-за Молчаливого моря.

Битва развернулась холодным весенним утром, на рассвете. Племя Зеленых Женщин было повержено, но сражались они неистово, и даже поражение не сломило их. Побежденным выделили клочок земли, и они погребли своих павших в землю, как велели их боги. Неподалеку предали огню тела своих и ворсы. Там копали могилы, жгли костры. Закономерный конец любой битвы.

Прошедшей зимой в доме умирающей богатой вдовы на стене рядом с пылающим очагом я увидела гобелен. На нем было изображено сражение – Зеленые Женщины стремительно нападают на одетых в меха мужчин с зелеными татуировками на руках и груди.

Облик этих женщин показался мне знакомым, и Джунипер предположила тогда, что струны моей жизни щиплет один из богов, вершащих судьбы людей, и, возможно, однажды Зеленые Женщины сыграют важную роль в моей жизни.

Мы вырыли для покойницы неглубокую могилу в пустовавшем углу кладбища, затененном деревьями. У нас были только наши руки да кинжалы, но, к счастью, земля после недавнего дождя оказалась податливой, а Ови отыскала большой плоский камень, и он послужил нам лопатой.

Засыпав могилу, мы сложили поверх нее небольшие камни, надеясь, что они помешают волкам бесчинствовать. Джунипер опустилась на колени и прочитала одну из ведьмовских молитв.

Мы с Руной встретились взглядами, и, похоже, подумали об одном: ремесло смерти мы отринули, но смерть нас не отпускает.

Я вытерла испачканные грязью руки о свою коричневую тунику, подвигала вперед-назад плечами, унимая боль в затекшей спине и огляделась. На поле неподалеку мужчина и девочка слаженными движениями убирали ячмень.

Знали ли они повешенную девушку? В таком городишке как Левин, не могли не знать. Считают ли они, что ее казнили справедливо или оплакивают ее смерть?

Устроившись меж могильных плит с символами племени Зеленых Женщин, мы быстро позавтракали сыром и ранними яблоками. Тригв не спускал глаз с горизонта.

Откусив яблоко, Руна вдруг поднялась и положила руку на край надгробья.

– Фрей, в путешествии нам понадобится серьезное оружие, а кинжалы наши – оружие невесть какое. – Она задумчиво потерла щеку. – На западном побережье других кладбищ нет, и такого шанса у нас уже не будет.

Я не сразу поняла ее.

– Да, ты права. Я хотела просить об этом ярла Рота, но иметь свое оружие намного лучше. Ови склонила голову и положила руку на нож.

– Красть у мертвых – к беде.

Джунипер соединила большой и указательный палец в жесте Морских Ведьм. Он значил «благородная кража» – несомненно, идея Руны пришла ей по сердцу.

– Руна права – нам позарез нужно настоящее оружие. Хотя бы для похода через Болото Красных Ив.

Я взглянула на Тригва.

– Что Книги Таинств Англонов говорят о кражах у мертвцев?

Тригв пожал плечами.

– Смотря кто эти мертвцы.

Я вздохнула и потерла затылок.

– Сестры Последнего Милосердия ничего не берут у мертвых, но мы больше не Сестры. Так обзаведемся же добротной сталью.

* * *

Вскоре после смерти Сигги ремесло смерти свело нас с семьей из Фрема. Эти люди из Элшленда направлялись морем на юг. Они были расхитителями могил, а расхищение могил во Фреме – такое же обыденное занятие, каким когда-то в Ворсленде было пиратство.

Мы встретили их на горе близ Нинда в самый разгар Зимы. Сгущались сумерки. Я догадалась, откуда они родом, не только по мягкому певучему говору, но и по крошечным серебряным фигуркам сов у них на груди. Многие фремиши-скитальцы поклонялись полусове-получеловеку – богу по имени Король-Странник, благоволившему ко всем, кто кочует по белу свету.

Кроме отца, матери и бабки, в их семье было пятеро детей – две девочки постарше и три мальчика. Волосы у всех были каштановые, а глаза – бледно-голубые, как у Ови.

– Здесь, в Ворсленде, подходящих могил вам вовек не сыскать, – нахмурясь, заверила их привалившаяся к можжевеловому дереву Руна.

– Знаем. – Голос матери семейства звучал приятно, и его не портил даже весьма заметный акцент. – Мы здесь проездом. Бабушка очень больна и странствовать больше не может. Так помогите же нам.

Я смерила взглядом старуху, и от меня не ускользнули многочисленные заплаты на ее штопаном шерстяном платье и вытертый подол ее юбки.

– А вы заплатите?

– Конечно, но не много, поскольку мы небогаты.

– Да мы многого и не просим.

Я подошла к пожилой женщине. Она была невысокой и худощавой, с потускневшими от времени темно-каштановыми волосами до пояса. Ее согнутая в три погибели фигура выдавала то, что она всю свою жизнь провела с лопатой в руке. Грустный взгляд старухи был проницательным. Она сама вовсе не считала себя немощной.

Джунипер собрала вокруг себя детей и принялась нашептывать молитву.

Я посмотрела на Руну, но та отвернулась. Тогда я взглянула на Ови, и она одобрительно мне кивнула. Я достала фляжку с вайтом и протянула ее женщине. Она сделала глоток обжигающего напитка и вернула мне фляжку.

Перед смертью человека, как известно, одолевает жажды.

Я провела рукой по шее подопечной. Кожа ее была сухой и тонкой, словно старая, выгоревшая на солнцепеке бумага.

– Просто расслабься, лапушка.

Другой рукой я зажала ей рот и нос. Так учила меня Сигги – будет меньше крови. Может, так родным будет легче. Женщина была слабой, и сопротивляться долго не могла.

Когда дело было сделано, я положила ее на землю рядом с можжевеловым деревом. У мужчины глаза были мокрыми, а женщина ни слезинки не проронила.

Была ли женщина из Фрема неистова в годы своей молодости? Мне казалось, что да, была. И жила насыщенной жизнью, полной приключений и риска. А теперь все кончено. Кем

бы она ни была прежде, чем бы ни занималась – все будет забыто, затеряно во времени, как будет стерто из памяти даже название ворслендского холма, на котором мы стоим.

* * *

Я копала и копала и за два коротких дня из Сестры Последнего Милосердия превратилась в расхитительницу могил. Под ногти забивалась земля, острые камни ранили костяшки моих пальцев; одежда сделалась тяжелой от грязи и пропитавшего ее пота. Но копать мне нравилось. Трудная работа, однако работа настоящая. Мне нравилось чувствовать землю пальцами и ощущать движение мускулов под кожей.

Видимо, из меня все же получилась бы неплохая фермерша.

Я отогнала эту мысль.

Никогда.

Фермерство не сделало бы меня счастливой. Быть привязанной к одному месту и заниматься одним и тем же из года в год точно не по мне.

Я вздрогнула и подняла взгляд на небо.

Боги непременно сбивают спесь с того, кто грезит о слишком многом.

Раскапывать могилы мы закончили к концу дня и теперь стояли над ними, обливаясь потом и щурясь от лучей заходящего солнца. Перед нами под щитами цвета нефрита лежали останки четырех Зеленых Воительниц. Топоры, как и рассказывалось в песнях бардов, были погребены вместе с ними.

Я опустилась на колени и пошарила по земле и костям черными от грязи пальцами. Нашупав наконец металлический предмет, извлекла его на свет божий. Топор был легче и короче привычных ворсам боевых топоров.

Вчетвером мы стояли посреди кладбища и сравнивали свои находки. Все найденные нами топоры походили друг на друга, и на рукоятке каждого было выгравировано изображение Зеленої Женщины в одежде из листьев. Натри их маслом, и они засияют как новые.

Добывать оружие для себя Тригв наотрез отказался, и к его выбору я отнеслась с уважением.

Напоследок мы принялись закапывать землей могилы древних воительниц.

– В балладе «Земли и Огня» упоминаются двенадцать женщин – девять умерших и три живых, – сказала я. – Мне кажется, у нас в руках оружие четырех воительниц из песни, возможно, самых храбрых, самых неистовых и самых...

– Довольно, Фрей. – Руна, многозначительно взглянув на меня, продолжила засыпать доставшуюся ей могилу.

Наконец могилы были восстановлены, и Джунiper вознесла к небу молитву о прощении за потревоженный покой воинов, а я молча помолилась Валькрии о том, чтобы та даровала нам возможность употребить добытое нами оружие должным образом, а именно – в сражении.

Мы побрали назад к дороге, а в спины нам бросало косые лучи заходящее осеннее солнце.

Невольно на ум мне пришло:

Четыре Сестры Последнего Милосердия стояли на перекрестке рядом с деревом-виселицей.

Похоже на строки из саги ворсов.

И в руке каждая держала топор, только что вырытый из древней могилы.

Я улыбнулась.

Восемь

Я слышала, что Морские Ведьмы частенько кидают ракушки, а затем, точно по рунам, читают по ним судьбу, но за все годы, что Джунипер была с нами, мне не доводилось видеть, что бы она проделывала подобное.

Через два дня после того, как мы похоронили повешенную девочку, мы завтракали яблоками под старым дубом. Именно тогда Джунипер вытащила колоду потертых зеленых карт. Она откинула волосы за ухо и, шепча себе под нос молитву, принялась тасовать колоду. Подсняла ее и вытащила одну за другой восемь карт. Разложила их рядком на разбросанные у нее под ногами медно-красные листья дуба.

– Хочешь обыграть нас? – сверкнув глазами, спросила Руна.

Джунипер охотно улыбнулась.

– Нет. Это – карты Мерроу. У каждой настоящей Морской Ведьмы есть такая колода. Карты нам помогают.

– Помогают в чем? – как всегда нетерпеливый Тригв поднялся на ноги и подошел к Джунипер.

– Карты говорят правду.

– Так ты хочешь рассказать нам нашу судьбу. – Со скучающим видом Руна швырнула огрызок яблока в ближайший ручей.

Судьба. Ненавижу это слово.

Джунипер покачала головой.

– Нет. Я хочу рассказать вам правду. Всю правду. Всю правду без утайки.

Мы подошли ближе. Даже Руна. И наблюдали, как Джунипер переворачивает одну за другой карты и называет их имена.

Бродяга.

Повешенная Женина.

Ведьма Листвы.

Красный Провидец.

Скелет.

Смерть.

Верховный Жрец.

Голубая Луна.

– И что это значит? – Ови нагнулась и провела пальцем по Скелету – сначала по костям, а затем задержала палец на его красном, светящемся глазе.

Джунипер указала на первую карту.

– Мы – Бродяги, отправились по новому пути. – Ее пальцы показали на вторую карту. – Повешенная женщина может означать довольно многое, но в нашем случае... это – та самая мертвая девушка с перекрестка. Она очень важна в нашем путешествии. – Джунипер взяла большим и указательным пальцем третью карту. – Ведьма из Листвы означает дух леса, природу. Карта говорит, что нам будет даровано все, что нам понадобится в нашем путешествии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.